

время уже остановилось

владислав булахтин

ДЕВУШКА, КОТОРОЙ НЕТ

Самый
романтический
апокалипсис

apocalyptic

История любви, которая началась
через 7 дней после конца света

Владислав Булахтин
Девушка, которой нет

«АСТ»

2009

Булахтин В.

Девушка, которой нет / В. Булахтин — «АСТ», 2009

Обычной москвичке с необычным именем Фея предлагают странную работу: сообщать людям о том, что они мертвы. Столичный плейбой Саня Кораблев знакомится с девушкой, с которой невозможно связаться по телефону или электронной почте – он находит ее письма с указанием места встреч в простом почтовом ящике. Вскоре Фея исчезает, и чтобы найти ее, Кораблеву нужно... умереть. «Девушка, которой нет» – самый романтический апокалипсис, невероятная история любви, которая началась через семь дней после конца света.

© Булахтин В., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Т.а.т.и.: «All About Us»	5
Вместо пролога	7
Часть I	17
Глава 1	17
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Булахтин

Девушка, которой нет

Посвящая маме

Суть человечества иррационально выводится из хаоса мнимостей.
Владимир Набоков

После долгой многогрешной жизни помер мужик. Попал в ад. Пекло, жарница... Дали ему черта в сопровождающие. Черт спрашивает:
– Ну, чего, раз попал – выбирай, куда тебя определить. Вот тут грешники в котлах в смоле варятся, здесь их на кострах поджаривают, там, подалее, гвозди раскаленные в них втыкают... Куда желаешь?

Мужик весь в горе, но осторожно интересуется:

– А можно, я просто тут, в сторонке, тихонько посижу?

Черт говорит:

– Да можно! Сиди.

Мужик:

– А можно мне газетку – почитать охота?

– Да пожалуйста! На.

– А пивка холодного принесешь?

– Нет проблем! Будет.

Сидит мужик цел-невредим – в тени, с газетой, пиво прихлебывает... Наконец не выдержал, спрашивает у черта:

– Слушай, ну как же так?! Здесь вроде ад – так ужасы, адские муки должны быть, и все такое?..

– Так это для тех, кто верит...

Анекдот

Мы отражаем мир – мир отражает нас. Каждый, дочитавший эту историю до конца, неминуемо станет еще одним из ее творцов.

T.a.t.u.: «All About Us»

– Держи ракетницу. Ракетница – оружие оранжевого пролетариата, – уважительно добавил Викентий Сергеевич, протягивая Фее короткоствольный пистолет с распухшим дулом и засаленную коробочку с зарядами. – Боле нет у меня ничего огнестрельного, да тебе и не требуется – словами и взглядом ты отрезвляешь убедительней.

– Зачем мне это? – удивилась девушка. – Вы же предупреждали – здесь любое оружие бесполезно. Говорили – я должна просто уговаривать этих... м-м-м... – Фея выдержала многозначительную паузу, – людей.

«Как иначе назвать тех, с кем мне предстоит встретиться?»

– Да, уговаривать. Да, бесполезно... – заворчал шеф. – Но эффект оружия не всегда измеряется уроном. Ты влети болезному ракету в брюхо и, пока она празднично искрит, спокойно обоснуй, почему он должен расстаться с нездоровой иллюзией собственной жизни.

Фея с трудом запихнула «оружие пролетариата» в свой миниатюрный рюкзачок, затянула тесемки и небрежно бросила:

– Я надеюсь, мне представится возможность обосновать и вам ваше нездоровое отношение к тому, чем *была* наша жизнь.

Викентий Сергеевич впервые улыбнулся.

«Как же он божественно некрасив», – вновь отметила Фея, стараясь не смотреть на плешь и наливающиеся пурпуром щеки.

– Действуй, девушка. Накажи старого дяденьку Викентия. Ублюдка, кровопийцу и мега-злодея.

Оскалился желтыми зубами, навевающими мысли о болотном редколесье.

«Раньше не допускал фривольностей. Шаркал ножками, целовал ручки. Стоило спасовать перед его безбрежной застенчивостью... Ох – точнее: эх, мужики! Что на этом свете, что на том...» – Фея презрительно смотрела в глаза шефу.

– Ты же знаешь, я в любой момент могу самостоятельно исчезнуть – и не поморщусь, – продолжил он. – Мне твои угрозы как... тьфу! О себе лучше подумай! У тебя в глазах звериная тоска от того, что ты – это ты! Тоска от того, что мир пока еще мельтешит перед глазами, несмотря на все твои старания не замечать его. Подними голову! – Он почти орал. – Постарайся уйти достойно!

– Ступайте в жопу, природная аномалия, – вежливо парировала Фея. – Мне и раньше всякие гундосые умники дышать мешали. Теперь вы со своими мажорными проповедями лезете. Поздно – вы впарили убеждения, несовместимые с жизнью. Запомните: я пришла к вам не для того, чтобы спасти человечество или продлить свое никчемное существование. Мне просто очень хочется познакомиться с этими двуногими, которые воображают, что могут оправдать мнимое бессмертие. Может, найду кого поустойчивей, чем я.

«И буду оч-ч-ч-чень убедительна с ним, не так ли?»

Развернулась и, протаптывая тропинку в клубочках подрагивающей пыли, двинулась на выход.

«Прочь из этой юдоли скорби, тишины и вселенских разочарований!»

Шеф окликнул:

– Эй, гуттаперчевая, ты оружием-то пользоваться умеешь?

Фее захотелось показать язык, грязно выругаться, перевернуть на прощание парочку ветхих шкафчиков. Она уже пообещала себе, что никогда не возьмет в руки ракетницу: «В этом inferнальном месиве даже шелбаны небезопасны. Ага».

Молча вышла из комнаты в темный коридор, заваленный десятками пар стоптанной обуви.

– Не жалея никого, слышишь! – заголосил Викентий Сергеевич. – Здесь нет правых и виноватых, добрых и злых! Они должны исчезнуть! Они же ни перед чем не останавливаются! И ад следует за ними...

«Ад следует за мной, – мысленно не согласилась Фея и со всей силы хлопнула входной дверью. – Что ж, нынче я очень даже настроена показать желающим, как страшен мой предсмертный сон. Трубач, труби тревогу!»

Вместо пролога Юбилейное фиаско Сани Кораблева

Для любви не названа цена, лишь только жизнь одна...
Андрей Вознесенский

Muse: «Endlessly»

The Prodigy: «Smack My Bitch Up»

Саня работал вдохновенно, поэтому предчувствовал, когда это произойдет. Каждая новая встреча, каждое знакомство, каждое первое слово – наитие, кураж, дрожь в коленках. Не то что у сосунков-пикаперов¹ и прочих охочих до женских тел и кошельков (да-да, у женщин часто тугие кошельки) аферистов и прилипал.

В деле съема он презирал математику, уверенность, сверхзадачи (добраться до заветных створок за один час тридцать пять минут десять секунд) и прочую нелиричную прозу.

Взглянув на перспективное личико в толпе, Саня отметал любой расчет, любую корысть. Он умел влюбляться. Искренне, быстро, основательно.

Так же вдохновенно он экспроприировал несправедливо нажитое добро (собственность – всегда кража) своих возлюбленных. Потом с мясом вырывал истекающие кровью, трепещущие кусочки памяти о них, прижигал раны алкоголем, смешивал с пеплом воспоминания... менял номер мобильного и переезжал на другую квартиру.

Вскоре назревала готовность к новым чувствам.

Его внешность была на сто процентов обманчива. Помесь Марка Тишмана и Ромы Зверя рязанского, есенинского разлива. Сублильная, немного сутулая фигура, курносый нос, выгоревшие волосы, напоминающие обрушенный стог сена... Девять финансово успешных романов за спиной, ни одного конфликта с бестолковым российским правосудием, семь банковских счетов по три тонны евро каждый, новенький «Opel Corsa» – и никаких угрызений совести.

Никто бы не догадался, что он умеет стрелять с двух рук, за сорок секунд разбирает «калаш» и может вытерпеть почти любую боль (проверено – подвиги Муция Сцеволы² смешны по нынешним временам).

Донжуаны, ловеласы, альфонсы, любвеобильные политики-певцы-актеры: Кеннеди-Высоцкий-Харатьян-Немцов-Певцов-Миронов и вечный эльф Орландо Блум – остались в прошлом. Саня Кораблев поднялся на голову выше любого хрестоматийного персонажа, что и предстояло вновь доказать в этот промозглый майский денек.

Вдохновение заставило напустить рассеянную улыбку, затуманить взор и не спеша двинуться сквозь толпу на Пушкинской площади.

Когда он работал, он был прекрасен. Не кадрил, не клеил, не приставал, не умничал, не скабрешничал. Он – парил. В первые дни знакомства он дарил себя без остатка. Потом забирал причитающееся – простая финансовая комбинация.

Как заметить нужный экземпляр? Чайники промахиваются, опытные бомбилы попадают через раз. «Клюет каждая пятая» – девиз не для Сани. У него почти не случалось осечек.

Нынешнее приключение должно было стать юбилейным – десятым, и потому бескорыстным. Средства, которые предполагалось добыть у жертвы («возлюбленной», – поправил бы

¹ Пикап (англ. pick up – разг. подцепить) – совокупность методов, наблюдений, взглядов, развившихся на основе рационального подхода к соблазнению. Одно из базовых представлений в пикапе – определённая последовательность фаз в процессе соблазнения: найти, познакомиться, привлечь, построить комфорт, сблизиться, заняться сексом.

² Гай Муций Сцевола – легендарный римский герой. Демонстрируя силу воли, Сцевола протянул правую руку в разведенный огонь и держал ее там, пока она не обуглилась.

Кораблев), Саня готовился потратить на приобретение медтехники для ивановского роддома № 4. Там до сих пор образовывалась круглосуточная очередь на единственное кресло для рожениц.

Enya: «Lothlorien»

Девушка шла вдоль фонтана. Истекающий половой или финансовой истомой любитель прошел бы мимо – внешность, одежда, манеры выдавали отморозенную реалистку, совершенно не чуткую к мимолетным романтическим отношениям. Саня оценил с ходу: за этим непробиваемым взглядом – и достоинство, и самомнение, и неразбазаренные кладовые настоящих страстей.

Условия возвращивания талантов подобного калибра – состоятельность, свободная наличка, возможность с высоты гигантской суммы на кредитке плевать на беспощадный вампиризм столицы... на худой конец – своя квартира в Москве или прабабушкин перстень в пятьдесят карат на черный день.

Саня действовал интуитивно. Приближаясь, вытащил мобильник. Сердце замерло:

– Прошу прощения. – Саня включил диктофон, робко протянул вперед руку, будто защищаясь от возможного гнева незнакомки, и правдоподобно покраснел. – Я коллекционирую женские отказы. Вы можете с первого взгляда оценить мою персону? Два гнусных эпитета в вашем исполнении – и я удаляюсь.

Девушка остановилась, словно ударившись о невидимую стену, тяжело посмотрела в глаза Кораблеву. В усталом взгляде не было ни кокетливого юления, ни желания избавиться от назойливого кавалера. Пожалуй, только недоумение.

– Сжальтесь! Один эпитет – и не просите сдачи!

Тишина в ответ. Саня продолжил:

– Не хотите, не режьте правду-матку, – и отчетливо вывел в диктофон: – Двадцать восьмое мая. Москва. Площадь Пушкина. День пограничника. Девушка с черным рюкзаком. Характер нордический, стойкий. Нет контакта. Молчание и презрение. Презрение и молчание. Саня, сегодня неудачный день. Проваливай. Сохрани остатки гордости и такта. Вербовка отменяется.

Потом выпрямился, с полминуты разглядывал мрачное лицо девушки. Она продолжала молчать.

– Не надейтесь, не буду больше с вами разговаривать. Постою здесь столбом. Когда уйдете, взглядом прожгу одежду на вашей ледяной спине. Ай-ай-ай!.. Пожалели для коллекционера звука своего голоса.

– Что вам сказать, любезный? – Голос девушки, как на антикварном «Ремингтоне», впечатал слова в маленькие боксерские уши Сани Кораблева. Был он глубокий, чистый – ни дать ни взять Алсу Ралифовна из Бугульмы. – Вырубите свою игрушку. Я вам tet-a-tet поведаю самую страшную сказку о мировых резервных валютах.

Она сделала попытку взять мобильный из рук Сани, но тот ловко и почти игриво увернулся:

– Не откупитесь. – Он включил самую обезоруживающую улыбку из своего арсенала; диктофон продолжал бесцеремонно отмерять мгновения их беседы. – Я сохраню ваш голос. Буду крутить его вновь и вновь. Заброшу коллекцию, заброшу работу. И учтите, в один прекрасный день я захочу услышать от вас другие слова – нежней тех, что запишу сегодня. Буду бродить по Москве в поисках, пока не умру от голода.

– Кто ищет, тот всегда найдет.

– Это на каком-нибудь Маврикии или Родригесе все друг друга в лицо знают. Здесь только на прочесывание Капотни уйдет несколько лет...

– Не суйтесь в это благословенное место. Я обитаю намного дальше. Впрочем, готова предоставить вам сколько угодно текста в моем исполнении. Вы не опечалитесь, даже когда до дыр заслушаете запись.

Фраза у девушки вышла загадочная, но Саня фиксировал главное – «клюнула».

– Меня Саня зовут.

– Очень приятно, Саня. Я – Фея.

– Ничуть не сомневался. – Сане с трудом удалось скрыть удивление. – Куда направляетесь, Фея?

– Саня, если честно, я очень удивлена вашим интересом к моей особе. С радостью отвечу на все вопросы. Сделаю бессмертной вашу коллекцию. – Фея грустно улыбнулась своим мыслям. – Но сначала ответьте – какого черта вы подошли? Это для меня большой сюрприз.

– Вы считаете таким уж невозможным геройством подойти к вам знакомиться?

– Вы не ответили на вопрос, Саня-Сусаня. Мне очень важно знать...

– Не поверите. Фактом нашего знакомства я обязан исключительно своему сердцу. Оно и надоумило.

– Хорошо, Саня. Я иду в магазин. Носки купить. Идиотизм, конечно, но даже в нынешнем моем состоянии носки стираются моментально. Много хожу. – Она показала на красные кроссовки, выглядывающие из-под расклешенных джинсов горчичного цвета.

«Интересный экземпляр, – решил Саня. – Диагностировать психозы я не умею, поэтому буду просто любить».

Они пошли в галерею «Актер». Он заметил, как прекрасна ее шея, любовался дрожанием ресниц, цеплялся взглядом за огромные темно-ореховые глаза...

Так всегда бывает – сначала зрение фиксирует фигуру, то, что предположительно скрыто под одеждой. После непродолжительного разговора страсть к познанию воодушевляет воображение на более глубокие изыскания.

Саня влюбился в медленную, неторопливую речь Феи. Каждое слово казалось прелюдией к чему-то важному, нащупывало дорогу для следующего, но и следующее, обозначив свою малозначительность, уступало дорогу к монументальному разрешению накопленных словосочетаний. Увы, дальше опять выплывало слово-разведчик, слово-первопроходец. И так до бесконечности. Фраза обрывалась.

– Давайте поступим творчески, – сказал Саня, остановившись у дверей галереи. – Я подарю вам лучшие носки в этом городе контрастов, а вы согласитесь поехать со мной в Битцу. Покататься на лошади, пострелять из лука.

– Мне нужны белые с полосочкой.

– Заметано. Оставим на сладкое купеческие подвиги. – Впервые Кораблева кольнуло подозрение, что события развиваются непривычно, не по плану. Не он добровольно нагружается любовью, а сама любовь крадется по пятам, опутывает, прорывается в организм, не позволяя контролировать этот важный финансовый процесс.

Запас традиционных баек исчерпан еще до Битцы. Многие эффективные истории и приколы Саня не задействовал. Догадывался – нельзя, только не с ней, не прокатят веселая инетовская чепуха и сплетни. Фея реагировала немногословно, но с интересом.

Она казалась обыкновенной московской пацанкой – отточенные и одновременно импульсивные движения, грубоватая искренность, многоэтажная, напускная искушенность, выверенная комбинация одежды и фигуры. Москва богата подобными образчиками, от дворовых весталок до Хакамады.

Фею отличали бедная мимика, правильный овал лица и бездонные глаза, которые играли независимую партию. Их словно пересадили с морды какой-то очень задумчивой лошади. Периодически они выплывали далеко за пределы лица, и тогда для собеседника переставала значить оставшаяся в тени конструкция: кокетливая челка, извилистые губы, тараторящие что-

то мимолетное, вереница проплывающих по коже румянцев... Глаза выдавали девушку, каждым взмахом ресниц сигнализируя – происходящее в душе Феи катастрофически отличается от угловатых движений ее симпатичного тела.

Как произошел переход с пустопорожнего треска на личное, Саня не заметил («профессионал недорисованный...»). Кораблев прозевал главную ошибку, недопустимую ни при каких обстоятельствах, – заговорил о себе.

Очнулся от наваждения, когда в красках завершал историю о второй своей возлюбленной, о похищенных у нее чеках «American Express» на пять косарей «зеленых» и четырнадцать колод карт «Magic». Словно со стороны смотрел на свою одурманенную морду и не верил, как он может об этом говорить! Ни следователь, ни исповедник, ни одна девушка на свете («женщины – зло») никогда не должны узнать криминальных деталей.

Вместе с тем Кораблев почувствовал – его коронные фишки (легкость, интеллект, угадываемая состоятельность, мужественность, подчеркиваемая бойцовскими навыками, на первый взгляд труднообъяснимыми в тщедушном теле) сейчас не работают. Поэтому никакого другого оружия, кроме как стать собой, у него нет.

Кораблев доверял чувствам. Рефлексы сигналили: «Нельзя об этом! Нельзя! Ты что – спятил, чел? Ты почти в кутузке! О себе – ни-ког-да! Ни-ко-му...»

«Ей можно», – решило растекающееся внутри Сани тепло (ожидание? надежда?), увеличивающее градус кипения, когда он смотрел на свою новую сумрачную возлюбленную.

All Angels: «Windmills Of Your Mind»

Вместе с носками в полосочку (двенадцать пар – женщины в магазине смотрели на Саню с щенячьим восхищением) он купил puzzle на пятьсот элементов. До двух ночи собирал на ватмане картину Роба Гонсалеса³ «Замок на берегу моря».

Потом аккуратно перевернул ватман на стол. Отыскал карандаш, линейку и начал вычерчивать топографию местности на обратной стороне сказочного шедевра.

Пять лет на геофаке МГУ, четыре года в Службе внешней разведки до автоматизма развили талант составления карт. План парка Саня набросал за час, отметил место клада, проставил масштаб, стороны света, аккуратно разобрал картину и принялся рассовывать кусочки в белые носочки:).

Расчет верный – он преподнесет подарок в коробке из-под puzzle, Фея не удержится, заглянет, начнет доставать из носков фрагменты картины Гонсалеса и обязательно увидит на обратной стороне линии, точки, другие обозначения нарисованной карты.

Конечно, она соберет puzzle. Конечно, начнет ломать голову.

Если не допрет, что за место, Саня натывает в цоколи фонарей в метро подсказки (уже начал придумывать: «Название парка совпадает с названием ближайшего метро – отличие в двух последних буквах»; «Заглавная буква названия парка чаще всего встречается в названиях станций московского метрополитена, последняя – лишь дважды», и т. д.). Кораблев сунул в коробку записку: «Ищи всю правду обо мне в цоколе центрального фонаря. „Белорусская-радиальная“».

Теперь – главное. Рано утром следующего дня начнется спецоперация по доставке приворотного сюрприза. Саня вычислил, за каким окном обитает его новая избранница: четвертый этаж, пыльные разводы на стекле, приоткрытая сопелка форточки. Дело за малым – соорудить посылку, привязать к ней пять или шесть воздушных шариков с гелием. Далее ювелирная часть – управляемый взлет. Кораблев однажды уже проделывал подобное (Джюльетта из Медведково, на обхаживание которой ушло три недели). Необходимо привязать к собранной конструкции

³ Роб Гонсалес – канадский художник, пишущий в жанре магического реализма.

длинный поводок, вытравить его на нужную длину, зафиксировать (привязать к ветке дерева или газовой трубе, зацепить за выступ на стене... главное, чтобы соседи не срезали).

Фея проснется и вместе с солнцем за окном увидит разноцветные шары, под ними огромный короб (под размер скрученной в калач стриптезерши) в пестрой бумаге с не менее пестрой надписью: «Не удивляйся, это тебе». Саня не сомневался – она найдет способ, чтобы втянуть все это великолепие в свои чертоги. Внутри двух-трех ложных контейнеров Фея обнаружит «Замок на берегу моря» и носки. Ориентировочно к 16.00 она соберет картину – до этого времени подсказки и клад будут запрятаны.

У Кораблева оставалась куча времени, чтобы вздремнуть, а потом найти в осоловелой кутру Москве желающих продать шарики с гелием. Однако разбушевавшееся воображение не позволило забыться. У него вновь появилась возлюбленная! Как удачно, что она разрешила проводить себя – теперь Саня знает, как преподнести сюрприз. Об ивановском роддоме он пока не задумывался – в нужный момент все корыстные механизмы его криминального таланта сработают на «ура», и он сорвет куш.

Ему не терпелось выехать на место. Он подхватил коробку «Shopard», с которой не расставался вот уже четыре года и восемь переездов, вышел из дома, махнул рукой. Через мгновение, вынырнув из ниоткуда, машина взвизгнула тормозами и замерла перед ним. Сговорились на 500 рэ и максимальную скорость. По пустым московским дорогам помчались в парк.

Saint-Preux: Concerto Pour Une Voix

Как и предчувствовал Саня, любовь отравляла тело.

В голове теснились образы Феи – завывающий локон волос рядом с натянутой тетивой лука (она великолепно стреляла), сосредоточенный и одновременно отстраненный взгляд.

Непримечательный московский пейзаж черным тоннелем сворачивался перед Кораблевым. Где-то далеко на периферии взгляда чудилась одинокая фигура возлюбленной. Как в подзорную трубу, Саня наблюдал детали образа: и ранимость, и способность ранить, и хрупкость, скрытая за мнимой твердостью колких фраз, – эмоциональное пространство, в котором бушуют неведомые бури, отблеск которых изредка вспыхивает в ореховых глазах.

Ему удалось полюбить ее за один день.

Вчерашние события стали казаться стремительным приближением к чему-то таинственному, как хриплое, предрассветное дыхание парка.

Клубок чувств-мыслей, ранее аккуратно упакованный в оболочку тела, покинув ее, бешено разматывался, снимая покров защиты, запутывая невидимыми нитями, со всеми деревьями, лесами, полями, океанами на планете, с тысячами незнакомых людей, способных почувствовать возникающую связь. Опустевшее место в груди тревожно заныло, требуя открыть к себе двери, насытить жизнью другого человека.

Ежесекундно рождая желание изменять все вокруг, изменяться самому, в голове крутились пустые образы поцелуев-объятий, которые то искрили летним светом, то сгущались теплой соблазнительной тьмой. Образы бились о грудную клетку, нуждаясь в немедленном одухотворении от *прикосновения* желанной и незнакомой, но обязательно нежной и легкой женской руки. Плоские тени силуэтов, обнимающихся в густом мраке, должны были обрести объем, дыхание, тепло.

Саня гнался за этим обретением, одновременно понимая – ему не найти покоя среди заплутавших в ветвях потоков воздуха, уносящихся прочь от остывшей земли. Шумом леса не вылечить внезапного одиночества. Дыхание Феи, уже проникшее в поры этих деревьев, не даст успокоиться.

«Как же просто оказалось преобразование. Пять часов знакомства... носки, лошади, стрелы, „Замок на берегу моря“...»

Он тщательно замаскировал место клада и повернул к выходу. Промокшие от росы ноги наводили резкость в тумане головы. От оформляющейся картинке будущей любви отсыхали неосуществимые фантазии, сквозь яркие краски вожделенного серыми буграми проступали пятна реальности. Уставшее тело стало предательски предвкушать одинокое тепло постели. Но грудь по-прежнему ныла ощущением пустоты.

Приближаясь к метро, Саня остановился, чтобы в голове осела пыль неопределенных образов, слов и проявился облик Феи, вырывая из тумана красоту каждой, пока неисследованной, недодуманной черты.

Serge Gainsbourg: «Zero Pointe Vers l'infini»

Они лежали в маленькой пыльной комнатке на покачивающейся, потертой кушетке: скомканная к ногам простыня, проплешины пледа, торчащие в немногочисленных брешах переплетенных тел. Голая поверхность Феи казалась чем-то запретным, чего видеть нельзя. Саня чувствовал – эта доступная нагота может легко уйти из его жизни. Так же быстро, как пришла. Поэтому, пока есть возможность, он гладил, перебирал, мял, тонул, словно присваивая, мертвыми узлами связывая со своим телом.

Пальцы повсюду находили чувствительные очаги кожи, проваливались в эти полыньи на заснеженной реке. Девушка вздрагивала. Успокаивая, наклонялся и целовал Фею в висок. Она продолжала шептать в подмышку историю поиска бесценного клада:

– ...я сразу догадалась, где ты его закопал. Рядом с моим домом. Не стал бы ты гонять меня на другой конец златоглавой. Но мы с Ленкой не поленились, прочесали все станции метро, о которых ты дал подсказки, щупали эти фонари на радость толпам тружеников. Ленка всю дорогу бухтела: «Бубу-бу, бу-бу-бу, ну и козел твой кавалер...» Потом шарились по парку среди мать-и-мачехи. Карту я перерисовала. Но сразу найти клад не получалось. Наконец, выбрались к той стене, отсчитали двадцать шагов, увидели знак на дереве. Народу там толпилось немерено. Мы все равно на коленки бухнулись и давай ощупывать траву. Замаскировал ты, конечно, здорово, но пяточок, где копать, мы легко узнали. Ленка свою «Visa Gold» вытаскивала и давай землю рыть. Когда от ее французского маникюра остались воспоминания, она прошла по твоему имиджу, типа: «М-да, романтик... м-да, романтик... Если там золотой перстень в виде черепа или черный жемчуг в живой раковине, я твоего избранника бронирую на следующий гей-парад...»

«Избранник» – откликнулось внутри. Тут Кораблев случайно задел какую-то сигнальную точку на теле, Фея выгнулась, заманивая, покрывшись мурашками и еще сильнее прижалась к его ноге. Совпадение желаний – несколько секунд назад, перестав слушать историю, он только и думал, как бы вновь покорить то, что требовательно приоткрывалось ему.

Не прерывая поцелуя, скользнул, обжигая, в нее, но не стал двигаться – для этого им хватило ночи. Навис над ней, гладил брови. Возбуждаясь все больше и больше, крепче вжимая его в себя, Фея продолжила:

– Потом мы изучали твой подарок. Коробочку эту «Shopard» из-под какого-то брульянтового кольца крутили, увядшие лепестки роз нюхали. Даже толкиенисты, которые кучковались там, смотрели на нас как на сумасшедших. Записку твою решила оставить на сладкое. Ленка сказала: «Пустой коробки с лепестками достаточно, чтобы любить его вечно». Вечером прочитала письмо. До сих пор не могу понять, как ты угадал? «Встреча наша невозможна... будущее не определено... произошел сдвиг миров, и вернуть их на место сможет...»

– Катастрофа или любовь, – закончил Саня цитату из своего письма.

– Я по-прежнему не верю, что ты обыкновенный, живой парень.

«Живой... Да я на небесах из-за того, что ты рядом!» – думал Саня, поддаваясь вздрагиваниям ее тела (как лодка, покачиваясь на волнах, бьется о причал... буря, скоро грянет буря...).

– Ты не представляешь, какое чудо, что ты появился в моей жизни. Со мной в принципе не могло произойти ничего такого... – Фея опять говорила загадками – Сане нравилась недосказанность. – Думала, вот-вот прокисну в этих хоромах. Я давно чувствовала, что исчезаю, что ничто не удерживает...

– А как же Ленка? Как же ваше общее судьбоносное дело, о котором ты молчишь как подпольщик?

Откуда вынырнул этот вопрос, Саня не знал. Лишнее подтверждение – независимо от силы чувств, кораблевская хватка осваивать чужие денежные средства оживает при любом удачном стечении обстоятельств.

Фея удивленно посмотрела, словно не понимая. Саня резко нырнул в глубину ее тела – ответом стала вспышка румянца.

– Ах, ты об этом... – Она махнула рукой в сторону своих сокровищ. Взмах словно лишил ее равновесия – она удерживала его, крепко схватившись за Санину ягодицу. – Представляю, как ты удивился, когда я пригласила тебя сюда, а в моей скворечне пятихатки евро чуть ли не по стенам наклеены...

– Здесь и сейчас не особо убрано, – вновь подал голос «Саня – раскрути чувиху на лавэ», – на эти деньги можно купить остров на архипелаге Фиджи.

– Согласна. И подвести свет с канализацией.

Каждый раз, когда он приходил в гости, на маленьком столике у кровати помимо кипятивника, кастрюли, крохотного телевизора, дешевенького DVD-плеера и щипцов для волос были разбросаны купюры.

Вот и сейчас там свалены несколько пачек долларов, евро, кредитные карточки, золотые украшения, поблескивающие брильянтами.

«Сто кусков – минимум», – подсчитал «Саня – бездушный пожиратель капусты».

– Я сначала доллары на евро и золото меняла. Побрякушки разные покупала. Вклады в банк делала. Чуть квартиру на Смоленке не купила. Дурой была. Потом поняла – нет смысла.

– Ты ведь не больна? – полуутвердительно, полувопросительно поинтересовался Саня.

Фея фыркнула – участилось биение о борт пристани. Саня стал лишним грузом, который хотят сбросить или поднять выше над грешной землей и одновременно оставить на себе.

– Я не ожидала, что смогу так ярко чувствовать, – зашептала Фея. Движения ее потеряли плавность. Саня оказался словно в эпицентре землетрясения, которое, увеличивая трещину в земной коре, стремилось затянуть вглубь все, что оставалось на поверхности. При этом слова Феи будто жили отдельно. – Мне говорили – та, кем я стала, уже не сможет любить. Предупреждали, любовь – самый короткий путь к исчезновению. Стремительный... Не знаю, как ты нашел меня. Знаю – я эгоистка. Но обещай, что найдешь меня снова. Достанешь из-под земли. Обещай...

– Обещаю, – легко согласился Саня, который и сам вот-вот должен был провалиться в колыхающуюся под ним пучину.

Фея обхватила его руками и так сильно прижала к себе, что Саня подумал – какая-нибудь кость должна-таки треснуть.

«Впрочем, я заслуживаю перелома всех конечностей», – решил он и наклонился, чтобы целовать Фею. Не останавливаясь, не разговаривая и уже ни о чем не думая.

«Если ты еще раз вспомнишь о деньгах, – уплывая, пообещал Кораблев жуткой твари, засевшей внутри него, – оторву твои радостно звенящие колокольчики».

Аквариум: «Ты нужна мне»

Вечером он договорился о поставке медицинского оборудования из Швейцарии. То, что стоило двести кило «зелени», ему пообещали пригнать за сто. Его деликатные благотворительные намерения хорошо поняли сердобольные знакомые, которые на треть состояли из оборот-

ней в погонах, на треть – из их жен и детей, а еще на треть – из легализовавшихся в пестром бомонде криминальных авторитетов.

«Хватит на два роддома», – решил Саня, подсчитывая предстоящий куш. Та золотова-лютнобриллиантовая вакханалия, что творилась в жилище у новой жертвы, только усиливала любовь. Несколько раз Саня пытался задуматься: «Откуда финансы?» – но мозг капитулировал перед очевидной нелогичностью существования внушительных средств в убогой комнатухе возлюбленной («Из лесу, вестимо...»).

Ну и пусть!

Фея была иррациональна в каждом слове, каждом поступке. Но купюры, золото, тайна, любовь – оказались настоящими. Это намертво приковывало Саню.

Они стали неразлучны – на пятнадцать суток, в которых перепутались дни и ночи. У Кораблева перехватывало горло («паника, вечная паника из-за любви... любит-не любит, плюнет-поцелует...»), когда Фея объявляла о том, что не может посвятить себя Сане. Он все равно приходил, топтался у дома, бросал в ее почтовый ящик письма.

Однако не выпросил у провидения случайной встречи – траектории их судеб ни разу не пересеклись помимо тех мест, которые Фея сама назначала.

– Почему ты не заводешь мобильный?

Девушка, как обычно, отвечала загадками:

– Я навсегда вне зоны доступа. Только письма. Только глаза в глаза...

Кроме писем она не использовала никаких средств связи. И однажды не пришла.

Он не бросился к ней домой, постарался несколько дней пересидеть, не искать встречи (профессиональный опыт + + рекомендация всех пособий по соблазнению).

На седьмые сутки не выдержал.

Сунулся к хозяйке – тете Клаве, у которой Фея снимала комнату.

Тетя Клава обрадовалась ему как родному. Он стоял на пороге квартиры и уже хотел двинуться по коридору к заветной двери, но тетя Клава остановила его:

– Ты куда, Сань?

– К Фее, конечно. – Голос Сани дрогнул, очень уж он ждал встречи: сто шестьдесят восемь часов – почти вечность.

После ответа тети Клавы колени Сани, лишившись упругости, готовились обрушить тело к драному коврику у входной двери. Взбесившиеся потоки крови наполнились волокнами ваты, набивая ею ноги, голову, затрудняя дыхание. Руки покрылись холодным несмываемым потом.

– Какой Фее? – Вот что сказала тетя Клава.

– Фее, – пробормотал Саня.

«Я все понял... так и должно было быть...» – метались мысли, хотя *что* он понял и *как* должно быть, Саня не смог бы объяснить.

– Сань, ты заболел? Или сказок перечитал? Ты проходи, конечно, коли пришел...

В кухне Саня плюхнулся на табуретку, покачивающуюся и хорошо ему знакомую.

– Да не знаю я никакой Феи! Вот заладил!.. – в который раз возмущенно парировала тетя Клава расспросы Кораблева.

– Откуда же вы *меня* знаете? – решил Саня на последнюю попытку.

– Здрасьте! – удивилась тетя Клава. – Ты у меня комнату почти месяц снимал.

Кораблев ушел ни с чем.

Спустя полчаса он разыскал лучшую подругу Феи Ленку, обитавшую в соседнем доме. Она сделала круглые глаза, несколько раз испуганно спросила:

– Ты что – прикалываешься?.. С ума сошел, придурок?

Наконец, правдами и неправдами он добился ответа.

Ленка рассказала, что Фею вместе с родителями взорвали:

– Помнишь, темные силы дома в Москве крушили? Фея на Каширке жила. Даже родная бабушка тело не смогла опознать. Методом исключения – по зубам, по всякой другой требухе – вывели, что это она.

На Ленкины глаза привычно навернулись слезы.

Кораблеву показалось – роковой взрыв прозвучал только что. Теперь нужно бежать к пепелищу – в надежде спасти, отыскать, укрепить память о своей любви, о поверженных в прах жизнях.

Саня попрощался и сразу включил запись на диктофоне, которую он сделал во время первой встречи.

Забавой шизофреника казались его фразы в потрескивающих паузах пустоты и молчания. Саня разговаривал сам с собой – ответов девушки он так и не услышал. Его слова точно соответствовали исчезнувшим репликам Феи, прозвучавшим в тот день на Пушкинской площади.

Кораблев помнил каждую из них.

Неделю он пил. Потом съездил в Таиланд.

Вернулся с еще более разросшейся раной в груди. Бросив чемоданы в коридоре, протопал в свою холостяцкую спальню (Фея ни разу не согласилась поехать к нему), нашел ручку, бумажку и написал:

Я ищу тебя. Люблю. Смешно представить, что такая сволочь как я не может жить без другого человека. Я найду тебя!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Вложил в конверт и, не переодеваясь, поехал к дому, где он месяц назад почти каждую ночь проводил на потертой кушетке в объятиях Феи.

Вышагивая между первым и вторым этажами, он мучительно соображал, как действовать дальше. Отчаявшись, плюнул и решил еще раз выпить. Напоследок, словно прощаясь навсегда, прижал руку к почтовому ящику и по инерции заглянул в прорезь.

Письма не было.

Никто не входил и не выходил из подъезда.

Accept: «Breaking Up Again»

– Ты борзеешь, Ромео. Я знаю, у тебя титановые яйца, но это не значит, что ты можешь кидать людей. Твои гинекологические гарнитуры оплачены только на треть.

– Мне плевать, Кирюш. Ты все равно сможешь сделать на них деньги. Слышал про рост рождаемости?

– Какие деньги в наше тяжелое время? Этот швейцарский неликвид уже никому не нужен.

– Кирюш, не гони. Я уверен, ты протащил оборудование через все границы и кордоны, никому не помазав лапки. И стоило оно тебе далеко не сто кусков...

– Это тебя совершенно не касается. Отправь свои прокурорские телеги папе и маме.

– Ты же знаешь, тля, что ни папы, ни мамы у меня давно нет.

Саня включил громкую связь и, пока на другом конце провода гневно дышали, переваживая оскорбление, раздумывая, включать или нет дикого отморозка, спокойно налил сливки в свой черный-пречерный, сладкий-пресладкий чай.

– Думаешь, времена суровые и кровавые ушли безвозвратно? Ошибаешься. За беспредел тебя и сейчас легко на ножи поставят.

– Мне накапать, Кирюш. Я с радостью готов давить любого гада. Даже тебя. Если раньше мне было параллельно, то теперь у меня убеждения и активная гражданская позиция. Общественная палата, независимость СМИ, Россия Единая и очень Справедливая... Все свободны. Сволочи по определению должны деньги честным людям.

– Это ты – честный? – ерепенился Кирюха.

– Это я, – ответил Саня, уселся напротив стеклянной стены, открывающей вид на Москву с птичьего полета, и отхлебнул восхитительно вкусный чай. Ничто, кроме Феи, чая и солнца, опускающегося в отравленные недра столицы, его не беспокоило.

На последние деньги он снял пентхаус в «Воробьевых горах» и теперь наслаждался огромной, почти безжизненной высотой своего последнего места обитания.

– Ты зачем Косого обидел? – не унимался Кирилл. – Он же не наезжал, а по делу тебе сообщил о нестыковочке в наших с тобой расчетах.

– Да, да. Он много и нудно говорил о деньгах. Громко. Неприятно. Твой Косой очень любит деньги. Он неправ, Кирюш. Я от такой неправильной любви начинаю немножечко волноваться. В следующий раз посылай кого-нибудь поубедительней. Я любому тугодуму докажу, что деньги – тлен, не достойный менять бесценное содержимое моей судьбы.

– У тебя совсем крыша съехала от здорового образа жизни. В общем, слушай мое последнее предупреждение: если ты до завтра...

– Не хочу слушать. Попробуй вообразить еще раз. Я никого и ничего не боюсь. Я одержим правдой. Правда – элементарна. Мир катится в тартарары из-за гнид вроде тебя. Мир безобразен из-за денег. Мир несовершенен из-за того, что пропадают люди. Я готов перед каждым ответить за этот базар. И еще я чертовски влюблен. Эту любовь ни переболеть, ни выбросить из головы, ни заглушить наркотиками или биологически активными добавками. Ты веришь в такую любовь, Кирюш?

– Я верю, что ты грузишь меня прошлогодней ботвой.

– Вот видишь, ты так ничего и не понял. Может, финальная строчка нашей с тобой беседы просочится в твой мозг, воспаленный потоками черного нала. Я влюблен до кровавых мальчиков в глазах. Я готов есть стекло и перегрызать железные прутья, чтобы найти ее. Но это невозможно на этом празднике жизни. Ты спросишь – почему? Я тебе отвечу. Таким обсосам, как мы с тобой, не понять механизмов жизни и смерти, которые даруют нас появлением людей или наказывают их уходом... – Далее Саня вывел неожиданное заключение: – Поэтому, когда твои подонки нарисуются на горизонте, я буду стрелять без предупреждения. И – на поражение. Надеюсь, ты сделаешь одолжение и попросишь их об ответной любезности.

Кораблев выключил трубку и допил чай, любуясь закатом над Москвой.

Потом пошел и проделал операцию, которую выполнял каждый вечер. Набрал в поисковике «Фея». Результат – полтора миллиона страниц! До утра он барахтался в море слов о пансионатах, свадебных салонах и детских сказках.

Слово «Фея» – как глоток воздуха тонущему. Выплывал и нырял снова.

Кораблев всегда был скор на клятвы. В это утро Саня решил любой ценой найти девушку. В отличие от других обещаний, это он выполнил. Стоимостью стала его жизнь – ровным счетом пустяки, когда любишь.

Часть I

Фея и смерть

Четыре месяца назад (конечно, это условный период – хронометраж в этой истории бессмыслен)

Бессмертные души влечет нас столь сильно, задевает столь глубоко, что надо позабыть все эмоции и стать беспристрастным, чтобы понять, что же это такое.

Рене Декарт

Вот что мы сделаем с божественностью человека – мы ее спрячем в самую глубину его самого, потому что это единственное место, где ему никогда не придет в голову искать.

Древняя индийская легенда

Muse: «Batterf lies And Hurricanes»

Глава 1

Где мои деньги, тля?

12.00

Vanessa Mae: «Storm»

– Эй, пацан, долго здесь крутишься? – Фее пришлось сощурить глаза, чтобы придать лицу недостающей уверенности. – И чё, бля?

Несмотря на вызывающий тон, мальчик смотрел доброжелательно – беззлобная ухмылка, плохо скрываемая заинтересованность, усердные фрикции на сгнившей скамейке.

– Ты, бля, свои грязные, бля, междометия, бля, забудь, бля. – Фея надеялась задавить собеседника своим недюжинным интеллектом, продемонстрировать который выпало таинственному слову «междометия».

Сработало.

– Ладно, не пыхти, проехали, – с показной ленцой процедил пацан, ожидая повторения вопроса.

– Посмотрим, имбецил, далеко ли...

Для окончательного триумфа девушка задействовала еще одно слово, которое наверняка отсутствовало в словаре очаковских аборигенов. Малый, действительно, на диагноз не обиделся. Лишь глаза подозрительно, но растерянно моргнули.

«Чует, что не комплиментами потчую. Господи, как все криво, как все неправильно...» – устало подумала Фея. Презрительно бросила:

– Давно здесь растешь? – Дернула носом в сторону покосившейся скамейки, на которой раскачивался малолетка, безжалостно сокращая ее последние дни.

«Как он ухитрился оседлать эту грудку досок?»

– Сколько себя помню, крошка.

– Крошкой будешь называть то, что затерялось в твоих малолитражных трусиках. – Крайнее удивление на лице сопливой очаковской особи выдало потрясение риторикой. – Полчаса уже сидишь возле этого гнилого подъезда?

Пацан кивнул и сплюнул ей под ноги.

Девушка тоскливо посмотрела на ржавые уголки стальной двери – скорее заплаты – на входе в пятиэтажку, давно убитый домофон, серую потрескавшуюся известку.

«Как все уныло... Боже, боже!.. – в очередной раз запричитал в голове чужой плаксивый голос (голос так же, как и Фея, не надеялся на взаимность того, кого призывал). – Помоги мне!»

Она сделала шаг к расплывшемуся сугробу, в котором пошатывалась скамейка. Мартовский трудоголизм солнца уже отозвался в московском пейзаже – снег оседал, темнел, проявляя прошлогодний мусор и островки собачьих экскрементов. Солнце по-весеннему благодушно пребывало во всем – даже в зеленоватом плевке пацана, медленно растворяющемся в талой воде.

Беспредельность света только угнетала Фею, напоминая о тотальном затемнении внутри.

«Полцарства за одну жизнерадостную мысль. Полцарства – не меньше!» – пыталась напроситься у судьбы на удачу.

Надежды еще не растаяли, но уже потемнели, как усыхающие островки копченого московского снега.

Полчаса назад Фея пулей выбегала из этого подъезда. Стальная дверь сработала как гильотина. Девушка не смогла увернуться – массивный корпус врезал по ее миниатюрному рюкзачку. Именно здесь, со злостью выдергивая из ловушки свое барахлишко, она и посеяла кошелек. А в нем... нет, Фея больше не могла складывать дензнаки и процеживать эту цифру сквозь отчаяние. Мысль о сумме моментально доводила до полуобморочного состояния – с тошнотой, черными кругами в глазах и расплывающимися, как в слезах, костлявыми контурами облезлых берез, натканных по всему двору.

Чуть позже, все еще оглушенная бессмысленной беседой, состоявшейся в этом доме, она обшарила все закоулки рюкзака. Мыслей, как и денег, не было. Паника, отчаяние, тиски, сжимающие сердце, и капли пота, остывающие на бесшабашном и свободном весеннем ветру, – она неслась обратно по полноводным масляным лужам, которые ранее старательно обошла. Холодное хлопанье в туфлях, взбесившийся пульс, разлетающиеся брызги – всё, кроме икающих мыслей («Пропала, скорей, скорей...»), ощущалось отстраненно, в замедленной съемке. В мелькающих картинках будущего лихорадочно нащупала образ беззащитного кошелька, валяющегося рядом с ржавеющей дверью. Образ был такой яркий, что Фея уверилась – ей повезет, она найдет пропажу.

Фея была потрясена, когда кошелек не обнаружился.

Она осмотрела снежную кашу перед дверью, заглянула в подъезд. Отчаяние ощущалось как ровный, изматывающий зуд внутри. Вместе с радостным гулом ущербного московского дворика до Феи стали доходить и другие звуки, например скрип покаленной скамейки, на которой елозил чумазый пацан.

«Сейчас замучаешься угадывать, сколько им лет – десять?.. тринадцать?.. И как с ними разговаривать – могут ножом пырнуть, могут Кафку наизусть декламировать... Кошелька нет. Значит, кто-то его уже присвоил...»

Фея сомневалась в способности сограждан поступить милосердно и вернуть ей деньги. Тем более *такую* сумму. Она нуждалась в объекте для своей безысходной ярости. Разозлиться на малолетнего упырька не представляло труда.

– Слушай, мутант, – доверительно, почти ласково проворковала она, – я кошелек здесь посеяла. Много людей шарилось вокруг моих денежек?

– Сколько было, лохушка? – Пацан подобрался, готовясь перекувыркнуться в сугроб, если она кинется выщарапывать ему глаза.

– Если поможешь, десять процентов твои, – легко соврала Фея, вновь не рискнув вспомнить всю сумму.

Столь заманчивое обещание склонило юного отморозка к сотрудничеству.

– Один мужик проплывал. – Пацан внимательно посмотрел в лужу, словно там еще остались следы тех, кто прошел мимо.

– Ты его знаешь? – удерживая сердце, готовое сорваться в аритмию от предвкушения надежды, спросила Фея.

– Видел... пару раз, – сказал пацан хрипло, чуть слышно, словно спазм перехватил горло.

– Здесь живет?

– Да, вроде.

– В какой квартире, конечно, не догадываешься?

– Не строй умную, сможешь больше заработать на панели. – В его ответе чувствовались домашняя заготовка, отрешенность, вымученность фразы.

– Как хоть выглядит?

– Козел козлом, – задумчиво ответил малолетка.

– Бородка, что ли? – с ужасом догадалась Фея.

Пацан согласно кивнул.

«Господи, ты снова обманул меня! Заманил и бросил...»

Человеком с бородкой был тот мерзкий тип, к которому Фея пришла на собеседование примерно час назад.

Днем раньше

Paul Mauriat: «Toccata» & Дмитрий Маликов: «Лола»

Каково все время наблюдать судьбы более удачные, чем твоя? Каково так и не удовлетворить желания исключительности собственной любви, собственного счастья? Каково представлять себя отражением чужих побед, сомнений, страстей – блеклым пятном на фоне феерической жизни столицы?

Фея терзалась тем, что не ощущала веса своей жизни, – просто череда будней, сиюминутного, уплывающе забывающегося. Аморфное существование – набор штампованных телодвижений, банальных полупустых фраз из ежедневника: родилась, крестилась, мама-папа-брат, сначала жили в «двушке», потом «трешка», первый мужчина предал меня, второго кинула я сама, сегодня был Новый год, послезавтра я уже его забыла...

– Остановись, болезная, хватит прыгать на весы! – заорала Ленка, даже не повернув в ее сторону голову.

Фея любила свою подругу за бесцеремонность, толстые бедра и кривые зубы. Фея ненавидела Ленку за перманентную жизнерадостность, ауру изобилия-стабильности и врожденную способность с выгодой разменивать проштрафившихся кавалеров.

Вечерами они часто сидели у Феи в каморке, пока Ленку не начинал разыскивать очередной возлюбленный. Потом Фея оставалась одна. Безгранично и с каждым днем все более безнадежно. Словно отпугивала любое человеческое тепло.

– Не дергайся, тебе говорю. Не они тебе нужны. А ты – им. Посмотри на себя. Ягодка. Созревшая на любые подвиги (*едкий смех*). Тем более в этой кофточке...

Они уже второй час примеряли завтрашнее (очередное, судьбоносное, э-эх!) собеседование Феи. По сравнению с нынешней трудовой деятельностью, любое свеженькое предложение работы она воспринимала на «ура». Все прежнее казалось ей паноптикумом неудач – на исходе институтской учебы ошибкой стало трудоустройство к оператору сотовой связи, потом в немецкую строительную контору, состоящую из одного орущего немца, кучи безликих таджиков и непокорных хохлов. Далее последовала маркетинговая забегаловка, потом разваливающееся турагентство и, наконец, настоящий кошмар – компания, торгующая итальянской мебелью. Два года Фея впаривала кухни и кровати. Покупатели умнели – истеричная владелица конторы урезала зарплаты.

Никакого опыта, кроме отчаянной ненависти к коварным уговорам потенциальных покупателей, Фея не приобрела.

– Зарплату проси больше.

– Ты же знаешь, я не жадная. Лишь бы никакой офисной рутины.

– Куда без этого! И орут, и раком регулярно пользуют. Все поголовно стучат и выслуживаются. – Ленка говорила об этом так весело, словно подобное положение вещей вдохновляло и радовало.

– Может, плюнуть и не ходить? Я уже не верю в удачу. Вдруг опять не возьмут?

– Не дрейфь! Чего тебе терять, кроме цепей? Зубы на полку ты уже выложила. В монастырь потенциально готова. За этот гадюшник когда платить? – Ленка подняла голову, окинула взглядом убогое убранство комнатенки, кивнула на огромного таракана, давно замершего на выцветших обоях.

– Через два дня.

Фею даже это не беспокоило. Все в жизни шиворот-навыворот, зачем напрягаться из-за того, что ее вышвырнут из голимой коммуналки?

– С предками будешь мириться?

– Никогда. Я обязательно найду деньги. Или повешусь.

– Даже на снотворное бабки не насобирала. Поосторожнее со смертью. Не призывай.

– Ну не на панель же мне! Лучше уж домой на коленях...

– Вот видишь. Всегда есть место для компромисса.

Фея поругалась с родителями. Никаких принципиальных разногласий не случилось – обычная домашняя склока.

– Ну что, что вы для меня сделали?! – заорала Фея на мать после непродолжительной бытовой перепалки и начала перечислять неудачи, которые, по ее мнению, образовались исключительно из-за родителей. – На сплав тогда непустили. Может, это судьба была... Каждый выход из дома на штыках... Чему вы меня здесь научили? Даже книги ни одной не купили! В библиотеку сама ходила.

Фея долго валила в кучу большие и малые претензии, пока мама, женщина мягкая, но неуравновешенная, не перебила:

– Ты права, без нас было бы лучше, – полуутвердительно-предыстерично тихо подытожила она.

И – началось: «Вы мне как собаке пятое... одни заботы и волнения... да пошли вы вместе со своим благополучием... сами приползете...» С момента, когда Фея хлопнула дверью, отгородив себя от матери, на бледном лице которой слезы уже прорезали две извилистые дорожки, прошло ровно 666 дней. Фея любила считать дни.

В несвежем зеркале шкафа-купе Фея разглядывала не себя, а Ленку, вновь откинувшуюся на потертую спинку кушетки. Китайская люстра, единственная роскошь в комнате (пять лебедей в стеклянных колбочках), безжалостно освещала то, из чего состояла значительная часть жизни Феи: маленький столик, кипятильник в кастрюле, крохотный телевизор, дешевый DVD-плеер, щипцы для волос, портрет Саакашвили для метания дротиков, десяток бестселлеров... Москва за окном без штор превратилась в хаос огня-огонечков во влажной остывающей тьме.

– Жалко, ты не можешь взять брючный костюм у меня, – насмешливо сказала Ленка.

«Жалко, что у меня нет даже приличных брюк. Жирная сука!» – подумала Фея, вспомнив набитый гардероб подруги. Ленка спокойно висела у родителей на шее, преданно их любила и не комплексовала. В целом свете не нашлось бы повода для появления у нее комплексов.

«Не то что я. Не то что я. Новые люди, блин...» – Фея с привычным мазохизмом задумалась о своем внутреннем несоответствии бушующему вокруг миру.

В последнее время вокруг Феи становилось все меньше людей. Как сейчас принято, знакомые роились в отдалении – на расстоянии «аськи», эсэмэски, автоответчика, «мыла» – рядом и одновременно в каком-то другом пространстве. Общение становилось все более обезличенное, хохмящее, флеймовое, флудящее⁴ бестолковое, ненужное, чужое... В него не вписывались травмы, которые регулярно наносила Фее жизнь.

Уроки танцев, подработки на телефоне доверия, шумный коллектив мебельной конторы, форумы, «живые журналы» не подарили ей столь необходимой и ожидаемой близости с другими людьми. Все, во что она вовлекалась: разговоры, бесконечные шутки, вылазки в модные кафешки, встречи с интернет-собеседниками, турпоходы, – происходило словно за стеклом. Жаждающие тепла внутренности омывали потоки информации, которая невозвратно стряхивалась в мутные бездны памяти, когда Фея засыпала в одинокой постели.

«Бедная я, бедная... Где же ты, мой единственный? Если сейчас я готова составить твоё счастье, то потом беспощадно отомщу за то, что ты не торопился появиться в моей жизни!» – пригрозила девушка. Фея не считала редкие появления мужчин в своей жизни панацеей против неполноты судьбы. Если кавалеры и возникали на горизонте, она с горечью осознавала: «Пройдет, не зацепит» – её душа все еще пустая бочка дегтя, в которую Господь так и не удосужился плеснуть пару ковшичков смысла.

«Помятая я какая-то. Нелучезарная. Суровая и усталая. Тень отца Гамлета. Бесперспективный ходячий...»

Даже отражение казалось зыбким-ненадежным, словно на зеркало плеснули воды. Лицо Феи выглядело неукомплектованным. Ему чего-то не хватало. Плотности? Родинок? Макияжа? Оно обещало – но каждый раз неизвестно что именно.

– ...ведрами косят купоны! – Ленка продолжала свой бесконечный монолог. Она уже включила телевизор и ехидно наблюдала, как оттуда ей втюхивают новости. – Ты посмотри, какие у них честные лица. Мне стыдно подозревать, что эти небожители лучше других знают, как повсюду отмывается бабло. Под любую бумаженцию, которую они рожают, тут же придумываются схемы, создаются «Рога и копыта», начинает пилиться лавандос. Девяносто процентов бизнеса существует только благодаря откатам...

Ленка работала в таможне, в отстойном отделе документационного обеспечения, рядом с большими деньгами и одновременно недостижимо далеко. Такое положение сформировало у нее вывернутое и неполное представление о мироздании с явным мизантропическим уклоном.

– Тебя ведь на производство приглашают? Не из воздуха деньги делать? – Ленка скептически относилась к любому бизнесу, кроме государственного. О мелких частниках, которые, по ее мнению, так или иначе вращаются вокруг чиновников, она говорила: «Сосут без вариантов», про крупных – более уважительно: «Крепко сосут».

– Из пенополиуретана, – созналась Фея.

– Что за зверь?

– Типа поролон. Мебель набивают.

– Две штуки проси. Ты же в этом деле профессионал.

– Рехнулась? Какой я профессионал?

– Ты же шаришь в кроватях. Где дуб, или береза, или корейская сосна.

– Карельская. Это ни при чем. Меня в отдел снабжения будут собеседовать. Чтобы я детальки для заводов добывала.

⁴ Флейм (от англ. flame – огонь, пламя) – обмен сообщениями в интернет-форумах и чатах, представляющий собой словесную войну, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора. Флуд (от неверно произносимого англ. flood, наводнение) – неоднократное повторение ненужной информации, размещение однотипной информации, одной повторяющейся фразы, символов, букв, одинаковых графических файлов или просто коротких бессмысленных сообщений на веб-форумах, в чатах, блогах.

– Один шиш. Ты – лучшая. С кем будешь разговаривать? С поролоновым королем? Приветик ему.

Фея покачала головой:

– Меня сначала в кадровое агентство пригласили. Якобы они все согласовали с работодателем и теперь хотят дать последнее напутствие.

– С какого боку это агентство отпочковалось? – оживилась Ленка.

– Я в Инете резюме разместила. Они меня выудили и сосватали на поролоновое царство.

– Деньги тянуть будут, – уверенно заключила подруга.

– Говорят, их сыр совершенно бесплатен. Говорят, заинтересованы в моем трудоустройстве. Говорят, платить будет работодатель. – Фея соврала, чтобы не вкушать «Ленкин скептицизм».

– Ага. – Ленкин ответ звучал как «разве можно быть такой наивной».

Самого главного Фея не сказала – приглашение на собеседование пришло не на «мыло». Лично тоже не потрудились созвониться – в один прекрасный день девушка обнаружила на дне почтового ящика незапечатанный конверт. Вложенный тетрадный листочек был от руки испи-сан ровным каллиграфическим почерком – короткое приветствие, название компании, заинтересованной в Феиных знаниях и опыте ☺, предлагаемая вакансия на заводе (Фея проверила по Инету – действительно, солидное производство вспененных полимеров), время и точное описание места собеседования.

Все это показалось диким, несовременным и опасным – тысяча причин, чтобы закрыть глаза на поролоновые перспективы, но обратных координат, кроме адреса, в письме не указывалось.

Фея уже не могла позволить себе пройти мимо шанса, даже если это просто шанс на короткое приключение. Ленке она ничего не сказала, учитывая стопудовую уверенность в железобетонности ее увещаний отказаться от ненормального по нынешним временам приглашения.

Они молча посмотрели телевизор. В России все было очень хорошо. Во всем остальном мире – значительно хуже: бастовали студенты, работяги перекрывали трассы, рушились финансовые пирамиды, рынки лихорадило, взрывались бомбы, паводки сносили города, гидра пандемии поднимала голову то на одном, то на другом континенте, смертельно заболели люди и звери, а тот, кто оставался внешне здоровым, позволял себе совершенно нездоровые суждения о российской жизни и выглядел при этом совершенной сволочью.

Фея вновь остро ощутила, что перестала вовлекаться в эту телевизионную игру. Картинки на экране уже не задевали, не притягивали. Хоть порнография, хоть реалити-шоу – не цепляло, пролетало мимо.

– Ленка, душа моя, у тебя бывает так, что тебе всё и все по фигу, а эта бьющаяся в лихорадке муть, – Фея жестом «виновен» укоряющее ткнула в засыпающий город за окном, – понарошку, не по-настоящему?

– Постоянно.

– Ты не торопись бахвалиться. Лучше задумайся. Это не кратковременный симптом. Мне уже давно конкретно по барабану. Где я, что со мной? Выгонят меня с работы или из этой комнаты, или трахнет банда одноногих негров...

Чтобы достучаться до Ленки, нужно было усиливать эффект эротическими метафорами.

– Вот я и говорю – история всей моей жизни. Насилие, бессилие, равнодушие. Поспрашай людей на улице – каждый второй то же самое о себе скажет.

– Да выпендрож это все. И понты. Мне на самом деле забить. Ощущаю себя Буддой Прозрительным, который докопался до самого доньшка вселенского смысла жизни, но так ничего и не понял. То ли смысла нет, то ли жизни, то ли я, Будда, пока совершенствовался, по горло увяз в этом безбрежном болоте, и уже неважно – есть я, нет меня. Все как во сне...

– Не высыпaeшьcя. Не трахает никто. Случится с тобой кака-я-нибу-дь пакость – быстро очухаешьcя.

– Скорей бы. Я уже не живу, в полусне плаваю. Сердце через раз бьется. Скоро перестану из дома выходить. Буду тупо разглядывать потолок и мечтать о забвении.

– Жизнь надо мешать чаще, чтобы она не закисала. Давай я тебе из Инета всякого хлама на ящик насыплю. Почитаешь денек-другой – развеешься.

– Не развеюсь. Я вообще во всю эту белиберду перестала втыкать. Те люди, что за экраном, – плоские и непонятные, даже страшные. Зачем они выливают в это море информации собственные ушаты? Зачем читают, поют, пишут, двигаются? Зачем что-то внушают мне с умным видом? А те, кто рядом, просты до амебозебезобразия. На тарелочке – и похоть, и скупердяйство, и доброта...

– Барахло ты чердачное, – спокойно перебила Ленка. – Я тоже, выходит, амеба?

– Радуйся, дура, что тебя кто-то как облупленную знает... И терпит. – Фея решила закончить исповедь. – Еще хуже с незнакомыми людьми на улице. Те – вообще стена, разукрашенная глазами. Манекены ходячие. Что жирные накрашенные тетки, что таджики из коммунальных служб. Я в глазах у них не могу разглядеть – действительно ли они живут, думают, мучаются или просто фоном вокруг меня мечутся. А молодежь? То ли они уже узнали о чем-то запретном, то ли просто выучили больше слов, которые даже на трахее не оседают. Поднимают ветер в голове, пыль и плесень оседает, зудит, а толку...

– Все дело в мелкой моторике, – наконец отреагировала Ленка и заученно забубнила: – На формирование коры больших полушарий головного мозга гигантское влияние оказывает развитие моторики пальцев. Ребенок должен рисовать, лепить, шить и – главное – писать буквы на бумаге. Мы с тобой последнее поколение, которое умеет это делать. Все, кто моложе, просто топчутся по клавише и щелкают мышкой. Соответственно и мозги разжижены, и личности примитивны – вместилище не духовных сил, а штампованных фраз.

– А мы прям сосуды, переполненные Силой! Я регулярно ощущаю себя то валенком тупым, то жертвой неудавшегося эксперимента («Аборта», – захихикала Ленка). О котором к тому же забыли, не закончив.

– Ты себе льстишь. Тоже от недостатка внимания. Ты мало кому интересна.

– Спасибо, дорогая, за честность. И что мне делать?

– Ты сковываешь себя представлениями о том, какой должна быть твоя жизнь. Ты слишком рациональна. От корки до корки и до подкорки. Поэтому свет не заглядывает в твою каморку. Ты можешь вообразить, что эта комната превратится в шатер царей вавилонских, а жизнь – в сказку?

– Могу, – неуверенно ответила Фея.

– Фигушки-мигушки, – возразила Ленка. – Вообрази хоть ворсинки на персидском ковре в этом шатре – ни шиша не появится. Глубоко внутри тебя вечное табу – «такого быть не может, такого быть не может никогда». Ущербное рацио, с таким только по грязи ползать, – важно она проговорила и подняла палец вверх, словно сказала «эврика».

– Я не истеричка, не сумасшедшая, но рациональной меня пока не обзывали. – Фея копнула полку с немногочисленными косметическими склянками. («М-да, и здесь ничего утешительного... не светит мне стать лучезарной».) Она стала неторопливо переодеваться, чтобы видом своей стройной фигуры хоть немного позлить подругу. Каждая сброшенная вещь подчеркивала интонацию признания. – Бывает, запрыгнешь на эскалатор в метро, сделаешь музыку в плеере погромче (*пуговицы на белой сорочке*), и кажется – этот мир прогнется (*сорочка сброшена и отправлена в пакет для стирки*). Он не только не реален (*ловко поддета застезка лифчика*), не достоин, убог, но и беспомощен передо мной (*соски тут же затвердели на сквозняке*). Могу взлететь и вокруг этих фонарей кружиться (*пестрая юбка скользнула к ногам*). Могу протиснуться сквозь стены, просочиться в прошлое, могу стать беспечной-без-

заботной (*колготки*) и весело разменять на фантики свою жизнь (*непродолжительная жертва холоду, рвущемуся в скворечню из старых незаклеенных окон – Фея повернулась к Ленке и указала на халат за ее спиной*).

– Да-а, мать... Тебе нужно... – Ленка не без зависти поедала взглядом ее плоский живот, курносую грудь, не подчиняющуюся законам тяготения, изгиб шеи и даже темноту в устье ног.

В этот момент зазвонил Ленкин мобильный. Она тихо зашептала, интонации и слова образовывали стойкий образ длинного ногтя, порхающего вдоль мохнатой шейки маленькой птички. Не прерываясь, Ленка тяжело поднялась с кушетки, сделала глазами: «Вот видишь – любят, разыскивают... Живу!» – и, разминаясь перед схваткой с очередной жертвой, покошачьи выплыла в коридор, старательно виляя толстыми бедрами.

Фея отчаянно завидовала. Настал момент прощаться. Скоро она останется одна.

Девушка так и не поделилась с подругой тем, что беспокоило ее больше всего, – пошатывающиеся каллиграфические буквы указывали место встречи в какой-то халупе в Очаково, которая осторожно обозначалась как «пятиэтажный жилой дом рядом с нежилым одноэтажным строением».

Когда дверь за Ленкой захлопнулась, Фея пошла на кухню, взяла короткий, но острый нож для хлеба и положила его в рюкзачок.

12.10

Didier Marouani: «Space Opera. Part 3»

«Все дело в мелкой моторике», – грустно подумала Фея, вглядываясь в бледное, мимически бедное лицо собеседника.

Шары у малолетки не бегали, тяжело смотрели ей в живот.

– Ты часто видишь этого козла?

Фее надо было придумать, как продолжить поиски. Девушка искала помощи. У кого? Перед ней сидел только грязный пацан, вокруг – чужая и враждебная окраина Москвы.

– Пытался разглядеть пару раз.

– Ну и как он тебе?

Поддерживать столь интеллектуальные беседы пацану оказалось не по силам:

– Чё ты мне паришь? – начал заводиться он. – Чё крутишься, как Цискаридзе? Топаи отсюда!

– Слушай, Маленький Мук, ты свои речевки забудь. Чердак проветри. Я тебе дело предлагать буду, – нашлась что ответить Фея.

– Да что ты можешь предложить? Ты свою капустку-то мимо рта... – Мальчуган вновь начал вещать что-то заученное.

Фея зло перебила:

– Кончай нарываться, а! Не то мимикрирую под здешние разложение и упадок.

Она шагнула к скамейке, абориген уважительно замолчал и поднял на нее краснющие пуговки глаз:

– Молчу, бля, Ковалевская Софья... Сигареткой угости, мимикруха ты безжалостная.

Фея протянула кукиш к маленькому сопливому носу.

Потом развернулась и пошла к пятиэтажке, бросив за спину:

– Пойдем со мной.

Упырек, прихрамывая, зашагал к подъезду, бормоча под нос дворовые истины жизни.

По ступенькам шли тихо, стараясь не спугнуть тишину. Остановились у подоконника в полете между четвертым и пятым. Фея наклонилась к своему сообщнику, вдохнув запах нечистой одежды, нечистого тела, сквозь который все-таки пробился молочный привкус детской кожи.

– Слушай, я сегодня была у этого мужика... Он сумасшедший. – И, увидев в глазах подростка, что это не впечатляет, скорее даже внушает почтение-уважение, добавила: – Маньяк, понимаешь? Кровавый. И если он будет меня потрошить, я обязательно расскажу, что ты тоже о нем знаешь. Впитал?

Мальчик кивнул. Тень страха даже не коснулась его лица.

– Он убивает людей. – Фея решила, что должна быть убедительной, не допускать сомнений, расспросов, неуверенности. – Жестоко. Стариков. Пенсионеров. Чтобы не жрали наш хлеб. Понимаешь? Работает в основном в Подольске. Здесь у него запасной аэро... тьфу!.. запасная хата. Появляется в ней редко. Хранит всякую ворованную дрянь, начиная от лифчиков и заканчивая золотыми зубами.

«Про лифчики я здорово завернула. Этот сатана в образе ребенка обязательно купится».

– Барахла там на десяток косарей. Из техники тоже кое-что есть. Дверь – шелуха. За минуту разберемся. В подъезде сейчас пара глухих старух и зачморенных домохозяек, которым все по барабану. Местные хачи и другие задроты, которые тут обитают, до вечера не появятся. Точно?

Мальчик уверенно кивнул, глаза его забегали, возможно, подгоняя неторопливые, куцые, но непременно корыстные мысли.

– Если дяденька с бородой внезапно нарисуетя, мы его в два счета уделаем, – продолжала нашептывать Фея. – У меня нож есть. Если кто-нибудь из здешних отбросов ментам стукнет, мы дяденьку сдадим. Расскажем, кто он есть. А мы типа пионеры, забрались в хату бороться со злом. К тому же ты подтвердишь, что хмырь мой кошелек прихватил.

«Еще пара аргументов – и парень побежит на штурм».

– Ты пойми, он первый нарвался. Знаешь, сколько в кошельке лежало? Восемь штук зеленых. Мы просто возвращаем свое. Я возьму деньги, ты – любые ништяки, которые найдешь. Не трись. Тебе ничего не будет. Сколько лет ты оскорбляешь Землю своим присутствием?

Недоуменный взгляд. Фея повторила вопрос:

– Лет тебе сколько, Красная Шапочка?

– Четырнадцать... будет.

– Во-во. Даже в угол не поставят. Пойдем.

Они спустились двумя пролетами ниже. Фея гордилась собой. Она смогла объясниться с очаковским отморозком, невменяемым по определению. Девушка, которая закончила музыкальную школу по классу флейты, рисует, знает всех Букеровских лауреатов и не умеет толком ковыряться в носу, шла грабить ужасного человека (человека ли?), способного составить конкуренцию любым кинематографическим монстрам.

Фея подозревала, что дверь квартиры не заперта, – просто этот плешивый субъект, с которым она беседовалась час назад, никого и ничего не боится, скрывать ему нечего, кроме голых стен и разваливающейся мебели. Все самое страшное он носил с собой.

(В душе?)

Конечно, она не сказала мальчику о своих подозрениях. Тихо бросила:

– Звать как?

– Виктор, – с достоинством прошептал мальчик.

– Витек, значит. Я на Фею Егоровну отзываюсь.

Когда дошли до второго этажа, Фея достала нож. Заслонила от Витька убогую обшарпанную дверь из серого куска ДСП, несколько секунд демонстративно поковыряла проем в районе замка – не хотелось, чтобы малолетка догадался, что квартира не закрыта. Потом повернула ручку.

Дверь легко распахнулась.

Заходить не хотелось. Витек толкнул в спину.

Фея не сомневалась – именно бородатый поднял ее кошелек.

«Убиться веником! С огоньком здесь домовые орудуют...»

Вся обстановка квартиры изменилась по сравнению с той, которую она наблюдала час назад.

Даже воздух.

Даже свет.

Помещение еще больше наполнилось пылью. Нос защекотало, горло запершило. Фея подумала: если чихнет, то потревожит исторические (истерические, хе-хе) залежи грязи вокруг и тогда точно не сможет дышать.

Ожидание удушья хуже самого удушья.

Она прижала ладони к горлу и старалась надыхаться.

Сзади сопел Витек. Фея пожалела, что втянула его в историю, после которой он вряд ли сможет оставаться столь возмутительно живым.

10.50

Жанна Агузарова: «Звезда»

Да, ее посещали мысли не заходить в эту квартиру. Она трижды порывалась развернуться и сбежать в свою мебельную конторку, разложить «косынку», покопаться в ЖЖ, сделать что-нибудь бесполезное и успокаивающее.

Метро, автобус, пешком. Допетляла до нужной улицы, огибая низенькие пятиэтажки из красного кирпича, пережившие и сталинский ампир, и лужковскую эклектику, недоступную кошечкам простых смертных.

Развалившееся одноэтажное строение, названное ей в качестве ориентира, в несколько слоев покрывали граффити; изящные тоненькие шприцы валялись вдоль полуразрушенных стен. Фея свернула во двор следующего дома. Хрущоба была помечена нарядной синей цифрой «9».

У подъезда Фея окончательно решила не идти на собеседование.

Войти в дом дернула не надежда – трудовых перспектив здесь явно искать не следовало, не ответственность – забила Фея на любые обещания и договоренности с будущим работодателем, не отчаяние... («Чего терять, кроме своих цепей? Отчего я вибрирую? Некоторые по десять раз за день работу меняют...»)

Подняться на второй этаж заставили почти утраченная лихость и любопытство – какой отчаянный лузер отважился поселить свое кадровое агентство здесь?

На месте звонка жиденькими усиками свисали два белых проводка. Она громко постучала. Из глубины квартиры раздался звонкий крик, приглушенный хлипкой перегородкой двери:

– Заходите-заходите! Открыто.

«Не буду бояться. Я ведь кого хошь порву!» – подумала Фея и толкнула незапертую дверь. Несмотря на безмятежность, на периферии сознания постукивали тревожные молоточки: «Ага, зайдешь, заломят руки за спину, свяжут и будут насиловать... бесконечно... пьяные, дизентерийные (почему дизентерийные? – ладно, не дизентерийные, вшивые) бомжи, чебуреки... гнойными членами... заставят жрать какие-нибудь колеса... потом рабство...»

«Рабство... рабство... рабство...» – достукивали молоточки, когда Фея помещала их в недоступную сознанию глубину.

Коридор был темный, короткий, захлащенный мятой летней обувью. Фея шагнула в комнату, в которой полумрак рассеивался, обретая бесцветную серость зимних сумерек (удивительно – ведь на улице жарит солнце...). Пыльная, но прозрачная занавеска прикрывала грязные окна.

Комната стала бы достойным пристанищем московских бомжей, наркоманов, таджиков, вьетнамцев или черт-те кого еще – в нынешние, почти политкорректные времена их не позволяют именовать несолидными эпитетами.

Фея не метнулась на выход только потому, что царящий кругом беспорядок нельзя было представить жилым, притонным, годным к насилию. В нем угадывалась система – потуги на сохранение контроля над захватывающим пространство царством вещей.

Стены облепили старенькие шкафы, шкафчики и полки разной высоты, разной конструкции и странного содержания.

«Склад хронического старьевщика», – заключила Фея, ни разу в жизни не попадавшая на такой склад.

Комнату и мебель в ней заполняли предметы разного назначения: граммофоны, утюги, телефоны, старые чайники со свистками, самовары, потертые мягкие игрушки всевозможных размеров и расцветок...

Часть шкафов прикрывали двери, изборозжденные потрескавшимся лаком. Какой хлам таился там, оставалось только догадываться.

У окна стоял большой двухтумбовый стол. За ним, спиной к тусклому свету, сидел художавый субъект – маленькая плешивая голова, узкие плечи, руки гладят стерильно чистую поверхность стола.

Фея замерла на входе в комнату. Увиденного здесь хватало, чтобы не рассчитывать на перспективу интересной работы. Сумма тревожных впечатлений подталкивала хватать ноги в руки и тикать отсюда без оглядки. Но...

Но тут маленькая голова заговорила:

– Фея Егоровна? Давно жду. Не пугайтесь здешнего убранства. Увы, не от меня зависит... кхе-кхе...

Фее не понравилось все, что он сказал.

Почему этот тип давно ее дожидается? (Она опоздала всего на несколько минут.)

Если убранство заведомо отпугивает, какого дьявола его не меняют?

Кто-то заинтересован в этом бардаке, а этот «кхе-кхе» тип не может ничего поделывать?

– Действительно, необычно здесь у вас, – сказала Фея. – Коллекционируете?

– Э-э-э... нет. Как-то все само... – Еще одна нелепая фраза, растерянный всплеск руками. – Да вы проходите, проходите, присаживайтесь. Поговорим.

Мужик указал на табурет, прислоненный к покосившемуся шкафу.

В гробу она видела такие собеседования – на некрашеном табурете, в пыльной комнатке убогой хрущобы отстойнейшего района Москвы.

Но блеющий голос и жесты плешивого были настолько неуверенны, просящие перепады голоса выдавали такую откровенную заинтересованность... Фея сдалась. Осторожно уселась на покачивающийся раритет и требовательно уставилась в лицо своего vis-a-vis.

По всем стандартным женским меркам мужик был жалок – неуловимый возраст между сорока и пятьюдесятью, бегающие глазки, большие уши, длинная худая шея, скошенный лоб, просторная залысина, большой нос, редкая борода и нездоровый румянец во всю щеку...

Внешний вид дополняла застиранная клетчатая рубаха, щедро расстегнутая на груди.

«Маньяк, растлитель малолетних, некрофил, потрошитель...» – перебирала Фея варианты, сгруппировавшись, чтобы в случае нападения крепко врезать в растерянное лицо этого никчемного мужичонки.

– Меня зовут Викентий С-с... э-э-э... просто Викентий, – заикаясь, подытожил потрошитель и упер глаза в стол.

Он так и не привстал со своего места. Фея вдруг подумала, что под президентским столом у «просто Викентия» вовсе не ноги – ну не нужен такой стол, чтобы под ним помещались обыкновенные человеческие колени. Там съезжился гигантский комок щупальцев, растекшихся

по полу, запутавшихся, чуть шевелящихся, скользких, не способных к броску. Этому монстру необходимо заманить жертву к столу, загипнотизировать и заставить шагнуть в это копошащееся месиво...

– Вы не стесняйтесь, двигайтесь поближе, – вдруг оживился Викентий. – Поговорим.

Для проформы Фея на несколько миллиметров сдвинула табурет, поставила на колени рюкзачок и достала письмо с приглашением на собеседование.

– Тэк-с, тэк-с, посмотрим... – Откуда-то из-под крышки стола «просто Викентий» выдернул толстую тетрадь, провел рукой по вытертой синей обложке и раскрыл где-то посередине.

Фея увидела ровные строчки, посеянные шариковой ручкой. Эта тетрадь на мгновение показалась ей более зловещей, чем нож, приставленный к сонной артерии.

– Глубоко в прошлом сидите. Как же технологии? Компьютеры? Программы подготовки кадров? – Фея решила перехватывать инициативу этого идиотского разговора.

– Недоступны-с технологии, – грустно поведал Викентий. – Сложные вопросы решать приходится.

«Точно – псих», – поставила диагноз Фея и перекинула конверт на стол:

– Как же вы со своими средневековыми каракулями смогли понравиться поролоновым королям?

– Мы кому угодно можем понравиться, – туманно парировал Викентий и тут же осекся.

«Тэкс-тэкс, разговор переходит в финальную фазу...»

Фея запустила руку в рюкзачок и сжала ручку своего кухонного ножа.

– Итак, Фея Егоровна, всего один вопрос. Это... э-э-э... это поможет подготовиться к собеседованию. Что с такой страстью заставляет вас искать новую работу?

Викентий довольно закивал головой. Словно перешутил квартет Урганта, Светлакова, Мартиросяна и Цекало. Бородка задрожала, зашевелились щупленькие плечики – что-то вроде множественных невротических тиков. Казалось, если он не будет подергиваться, то – замрет, весь обратится во взгляд, и разговаривать с ним станет еще тяжелее.

– Вовсе не страсть, – ответила Фея. – Надоел детский сад. Хочется стать звеном в большой команде людей, которые занимаются производством...

Лицо Викентия, казавшееся неспособным к переменам в выражении, разъехалось в ухмылке, словно Фея сказала что-то очень смешное.

«Вот-вот захохочет... Совершенно негодное к беседе существо...»

– И что, по-вашему, может стать серьезной деятельностью? – с напускной хитрецей вопрошало оно.

– Я же ответила. Большой коллектив. Производство. Перспектива роста. И не бумажки перекладывать...

– Да-да, говорили... Извините. Но я про цель вообще интересуюсь. Зачем вы работу столь созидательную ищите? Цель. Понимаете? Смысл и все такое.

Ничего путного от этого разговора Фея больше не ждала, поэтому ответила резко:

– Смысл работы только в том, чтобы она позволила мне жить по-человечески. И по деньгам, и по ощущению собственной значимости.

– Жить. По-человечески. Кхе-кхе... Значит, если работа с жизнью не связана, лучше не работать?

Фее показалось, что сейчас он откинется на спинку стула и истерично захохочет.

«Уходить надо. В анальную плоскость такие расспросы...»

– Сдается мне, наша встреча была ошибкой. Я хотела поговорить про трудоустройство, а попала в театр абсурда в театре абсурда.

Фея встала.

– Извините, Фея Егоровна, – испуганно залепетал «просто Викентий». – Действительно заболтался... Присядьте на мгновение. Просто тема нашего разговора очень уж деликатная...

– Крайне деликатная, – съехидничала Фея и вновь опустилась на краешек табурета. – Я всего лишь работу ищу. Все просто: да – да, нет – нет, устраиваю – не устраиваю.

– Да-да, работу... – Казалось, Викентий очень растерялся; в поисках слов он стал испуганно оглядывать захламленную комнату. – Рабо-оту... – задумчиво протянул он, словно это стало для него неприятным открытием.

– Вы писали о вакансии менеджера по снабжению, – помогла ему Фея, совершенно не понимая, зачем это делает.

– Да, мне известно о такой должности. – Викентий опять начал наводить туман. – Вам бы понравилась такая работа.

– Возможно, – осторожно подтвердила Фея. – Наверное, поэтому вы и предложили эту вакансию мне.

– Точно, предложил, – сделал еще одно открытие Викентий.

«Разговор глухого сумасшедшего с озабоченной душой...»

Вдруг Викентия словно озарило. Он просиял и осторожно спросил:

– Хотели бы получить это место?

– Во-первых, мне нужно побольше узнать о деталях, – не рассчитывая на ответную вменяемость, продолжила разговор Фея. – Про компанию я в Инете прочитала. Все устраивает. Неплохо, если бы вы рассказали про условия. График. Что делать. Оклад...

– Оклад! – радостно вскрикнул Викентий, до ужаса испугав Фею. Рука, сжимающая рукоятку ножа, предательски вспотела. – Как же я мог забыть про оклад?! С этого и надо было начинать! Это же моментально концентрирует внимание! Вот олух! Совсем из ума выжил... Думал, все помню!.. Все тщательно продумал, даже законспектировал. А про деньги упустил...

Он причитал, радостно хихикал, потирал раскрытую тетрадь. Не было только финального хлопка по лбу и восторженных плясок вокруг стола.

Фее еще больше захотелось встать и опрометью броситься из этого пыльного клоповника. Роковым стало любопытство, на несколько минут задержавшее ее уход.

12.30

Brazzaville: «The Clouds In Camarillo»

Ее зрительная память оставляла желать лучшего, но Фея сразу уловила изменения – в коридоре появились огромные болотные сапоги, несколько пар зимней обуви, яркие, легкомысленные шлёпки.

Они прошли в комнату. Свет выглядел еще безжизненной, пол покрывал солидный слой пыли. Огромный стол, за которым час назад восседал Викентий, исчез, не оставив никаких следов; на шкафах прибавилось мягких игрушек, взиравших на вошедших безжизненными пуговками черных глаз.

– Что будем брать? – озабоченно поинтересовался Витек. – Барахло-то копеечное натыканно.

Фея очень надеялась покопаться в ящиках стола. Теперь же не оставалось ничего другого, как бросаться к шкафам, со скрипом распахивать ветхие дверцы, выбрасывать обезличенное временем старье.

«Плакали мои грошики! Досадно и ладно. Чего переживать? Что упало, то пропало. Мне главное – как-нибудь равновесие обрести... Вельзевул недоношенный...»

Витек тем временем сорвал с карниза занавеску, аккуратно разложил ее на полу и начал скидывать все, что, по его мнению, представляло ценность. Выбор был вполне оправдан – старый радиоприемник, картина маслом, фарфоровая кукла, шкатулка под палех.

Фея вдруг представила, что внешний мир за пределами этой пыльной комнаты перестал существовать. Выключился, как электрическая лампочка. Пятиэтажная хрущоба, проталины, собачье говно на снегу, весна – все обернулось абсолютной неразмываемой чернотой. Перспек-

тива возвращения во тьму пугала. Вернуть свет представлялось возможным, только отыскав ключик к загадке, которую загадал ей «просто Викентий».

В последнем шкафу она обнаружила толстую тетрадь. Та же потертая синяя обложка. Те же засаленные корешки страниц. Рядом лежал пистолет с толстым стволом, похожим на батон сырокопченной колбасы «Русская», универсам «Копейка» (244 рэ за кэгэ).

«Ракетница?» – предложило вариант сознание, перепаханное российскими, советскими, голливудскими штампами о мире, людях, оружии.

Фея открыла тетрадь. Маленькие буквы, топкая каллиграфическая вязь. Первую фразу она разобрала: «Я не сумасшедший». Этими словами была исписана почти треть тетради. Далее шли фамилии, факты из жизни и смерти каких-то людей, даты встреч. Большая часть этих записей была перечеркнута крест-накрест, словно они сделаны зря.

Последняя запись была о Фее Егоровне Яшиной. В скобочках рядом с фамилией над пустотой чистого листа повисла строчка: «...Пожалуй, мне больше надеяться не на что. Это последний шанс предотвратить экспансию». Выше струились выписки из каких-то протоколов, заключений. Среди прочего сразу бросилась фраза «ФЕЯ погибла 13 сентября 1999 года. Взрыв дома на Каширском шоссе».

Фея захлопнула тетрадь.

Пронеслась спасительная мысль: «Зря, парниша, ты уверял себя, что – не сумасшедший. Дудки! – диагноз налицо...»

К этому времени Витек аккуратно рассортировал собранный хлам и завернул его в занавеску. Недовольно буркнул:

– Испаряемся. Деньги-то нашла?

Девушка помотала головой.

– Пальчики тут мои повсюду, – важно пробасил Витек киношную фразу и закинул огромный узел на плечо. – Может, подождем все к едрене фене?

– Вали-вали! – охладила юный пыл Фея. – Приватизация народного имущества должна проводиться доброжелательно и без фанатизма.

11.10

Lacrimosa: «Der Morgen Danach»

– Фея Егоровна, я готов официально предложить вам работу. – Викентий оправился от неожиданно нахлынувшей радости и постарался напустить на себя серьезный вид. – Работу с неплохим окладом.

Бесполезно – Фея не верила ни одному его слову. Иронично поинтересовалась:

– Я готова официально принять предложение. Вы объясните, наконец, что делать?

– Нет-нет-нет! – заторопился он. – Мы с этого начинали. Теперь давайте лучше о деньгах. Сразу. Сколько вы хотите?

«Блин, опять за свое. Озабоченный кровосос. Все никак не может подкрасться к моей невинности. Окольные пути ищет...»

– Вы издеваетесь? Мне необходимо знать свои будущие обязанности, смогу ли я соответствовать...

– Не переживайте, – зачастил Викентий, – работа несложная. Единственное – потребуются умение убеждать людей.

«Проституция. Консумация. Блятельство...» – выстраивала предположения Фея.

– Не наводите туман. Я не согласна принимать предложение, пока вы не расскажите о деталях. Если не умеете выражаться ясно, просто опишите поэтапно – первое, второе, третье – что я должна делать.

Викентий замолчал, посерел лицом.

«Ага, сейчас я получу самое туманное описание интимных услуг!..» – подумала Фея и ошиблась.

Викентий через силу проговорил:

– Первое – нужно приходиться к определенным людям, знакомиться, стараться им понравиться, войти в доверие. Второе – через определенное время... э-э-э... конечно, когда они будут готовы... нужно объяснять им, что они... мертвы.

Викентий словно захлебнулся последним словом. Повисшая пауза, наполняясь тишиной, стала угрожающе тяжелой. Викентий смотрел в стол, голова его опустилась ниже плеч. Наконец, он произнес:

– Сколько вы хотите за такую работу?

– Вы сумасшедший? – только и нашлась Фея.

– Увы, нет. Так сколько? Всего лишь подходить, знакомиться, говорить...

– И никакого интима? – спросила Фея, почувствовав себя полной дурой.

– Абсолютно.

– Я должна шантажировать этих людей?

– Совсем холодно.

Следующий вопрос прозвучал через минуту тишины:

– Зачем вам это? Я должна знать, иначе не смогу обдумать предложение.

– Считайте прихотью богатого чудака.

– А на самом деле?

– На самом деле я предлагаю вам десять тысяч за каждую успешную операцию и пять ежемесячно, независимо от результатов работы. Свободный график. Беседы с клиентом записывать не надо. Я смогу проверить, о чем вы разговаривали.

Фея хлопала глазами.

«Наверное, я сейчас должна упасть в обморок. Очнувшись, спросить: „Извините, вы не могли бы повторить цифирки? Мне кажется, я вас неправильно поняла“. По сценарию он добродушно отвечает: „Правильно, правильно. Выпейте водички...“»

– Фея Егоровна, это хорошее предложение. Впрочем, если у вас есть возражения или пожелания, я готов...

– Кулера у вас, конечно, нет?

– Кулера? Что это такое?

– Проехали. Водичка у вас только из-под крана?

– Нет-нет-нет. – Викентий протянул руку к подоконнику и выдернул из-за занавески графин. Пошарил под столом, вытянул стакан, плеснул в него воды.

– Чистый? – спросила Фея.

Викентий неопределенно дернул плечами – похоже, он даже не понял вопроса.

– У вас, может, и социалка обширная? Страховка, стоматолог, психолог-массажист?

– Простите... Давайте я ничего такого предлагать вам не буду. Готов поднять ежемесячный оклад до шести тысяч. И деньги вперед.

Только сейчас Фея почувствовала, что ее ноги выстукивают по разбитому паркету нервную дробь, руки суетливо теребят многочисленные завязки рюкзачка.

Мир переворачивался. Как ни нелепо, в этом доме для отпетых неудачников она начала чувствовать, что может превратиться из жалкой падчерицы в королеву бала.

«Может, он просто усыпляет мое внимание?.. Потом насмерть присосется своими щупальцами...»

– Викентий, вы заинтриговали меня. Но я должна подумать, – произнесла она заготовленную фразу.

Викентий заерзал на стуле:

– К сожалению, не могу дать вам времени... Вот деньги. – Он суетливо пошарил в недрах своего двухтумбового хозяйства, достал стопку купюр и положил на стол.

Фея не шелохнулась.

– А если эти люди не захотят меня слушать? Если я им про смерть, а они: «Не пошли бы вы, девушка, покурить бамбук?»... Тогда премия выплачивается?

– Нет, – строго ответил Викентий. – Люди должны поверить вашим доказательствам их собственной смерти. Доказательства я вам предоставлю.

– Но это же абсурд! – в отчаянии воскликнула Фея.

– Не более, чем все это, – неопределенно выразился Викентий и сделал руками движение, будто ласково гладит огромный глобус. – Я готов поднять ваш оклад до семи тысяч в месяц.

– Долларов? – Фея тупила, чтобы выкроить еще секундочку времени.

– Долларов, – устало согласился Викентий.

– Просто знакомлюсь, болтаю, а потом – бац! – «мой хороший, ты уже мертв»?

– Совершенно верно.

– А трудовой договор?

– Зачем? Я вам и так верю.

– Я не верю.

– Восемь тысяч. И вы ничего не теряете. – Викентий пополнил стопку купюр.

– Я могу не увольняться со старой работы?

– Пожалуйста.

Викентий закрыл глаза. Румянец на его щеках приобрел почти помидорный цвет.

Воспользовавшись паузой, Фея протянула руку за одной из купюр. Она выглядела единственно настоящим объектом из всего, что окружало ее в этой комнате. Шкафы, «просто Викентий», хлам со всех сторон, стол, сама Фея – все показалось зыбким по сравнению с убедительностью ста баксов.

– Я попробую... – неуверенно, словно сама себе прошептала она.

Викентий услышал и приглашающе кивнул на купюры.

Фея собрала деньги, настороженно зыркая в его сторону («Вдруг кинется, обнажит зубы, наотмашь меня кастетом в глаз...»), уселась на табурет.

Викентий не смотрел в ее сторону. Он перелистывал свою тетрадь, позой выдавая ожидание ее ухода. Дрожащими руками Фея утрамбовывала купюры в худенький кошелек. Она ощущала, как комната стремительно тонет в пыльной духоте. Словно тонны барахла, расставленного по полкам, стали усердно источать накопленную годами старость.

– Как мы будем связываться друг с другом?

Этот вопрос вновь загнал Викентия в тупик. Он ответил не сразу, видимо, тысячу раз взвесив все варианты:

– Давайте как в первый раз – письмом. Я буду оставлять координаты ваших будущих клиентов. Деньги можно также в почтовый ящик...

– Нет. Я не поленюсь появляться здесь раз в месяц.

– Как угодно. – Викентий пожал плечами. Во всей его фигуре, словах, интонациях ощущалось угасание интереса к беседе. – Вот информация о первом вашем... э-э-э... подопечном.

– Извольте.

В Фее напряглась какая-то струна. Она почувствовала, как накопившаяся за время разговора тревога вот-вот выльется в какой-нибудь неадекватный поступок. Она могла заорать-завизжать, обрушить шкаф или врезать рюкзаком по лысине Викентия.

Тем временем он вновь погрузил руку под крышку стола, выхватил оттуда большую фотографию и, не взглянув на нее, перекинул Фее.

Она сразу узнала этот снимок. Институтский. Последний курс. Все молодые, почти все уверенные в себе. Так уверены, что на глянце даже сейчас оживает вызывающий блеск глаз. Вызывающий судьбу на бой.

Лицо клиента, точнее клиентки, обведено ровным кругом. («Словно циркулем чертили», – промелькнуло в голове.) Тогда она носила длинные волосы и ярко красила губы. Да, еще у нее были огромные круглые серьги. Семь лет назад на этом лице светилось ожидание – «этот мир вот-вот свалится к моим ногам». Это было лицо Феи Яшиной.

Дальше все происходило молча. Внутренности девушки наполнились паникой, здравомыслие и самоконтроль дружно готовилось покинуть тело.

«Не думать!.. Не думать!..» – уговаривала себя Фея, догадываясь, что неожиданная, но верная мысль о том, почему она оказалась, кхе-кхе, первым клиентом Викентия, может доконать ее до бесчувствия и беспомощности.

Она встала, развернулась и быстро зашагала к выходу, пока сдерживаясь и не переходя на бег.

Уже в коридоре она услышала голос Викентия:

– Извините, бога ради! Я перепутал! Не та фотография! Пойдите!

– Я пришлю другую! – услышала она уже за дверью и кинулась вниз по лестнице.

12.50

Звери: «Районы, кварталы»

– Ну, покедова, бабанька, – сказал Витек и взвалил тюк со старьем на худенькое плечико. – Даст бог, свидимся, – совсем по-взрослому добавил он.

Front Line Assembly: «Fragment»

Перепаханный шрамами асфальт, выкорчеванные бордюры. Из образовавшихся провалов частенько выскакивают толстые ленивые крысы. У них свой город под этим оазисом, который торжественно назван зоной отдыха «Очаково».

Очаковское озеро с одной стороны закатано в бетон, с другой засижено до проплешин на траве (летом) и леденеющих мусорных пятен (зимой). Осколки стекла на плитках неизвестного предназначения (для удобства купающихся?), беспорядочно уложенных между водой и покореженной прогулочной дорожкой. Загаженный перелесок между озером и надгробиями серых домов, окна которых должны давно ослепнуть от всего здесь происходящего.

Огромный щит «Купаться запрещено» так и не стал предостережением для большинства завсегдаев этих берегов. Так же, как некоторая сложность проезда в чахлые кущи «зеленой зоны» редко мешает автолюбителям парковаться прямо у деревьев, оставляя за собой безобразное переплетение вырезанных в земле следов.

Даже в промозглые весенние вечера здесь полно людей – рабочим из коммунальных служб, как правило, не хватает следующего дня, чтобы убрать все пакеты, бутылки, тряпье. На бычки давно не обращают внимания – они превратились в естественный земной покров.

Витек с трепетом приблизился к костру, умиравшему среди деревьев, изуродованных любителями свежего хвороста. Сегодняшний день мог стать самым счастливым в его жизни.

Во-первых, он побывал там, где появлялось это робкое существо, к которому он по-прежнему не знал, как относиться. Раньше Витьку не удавалось проникнуть в святая святых, где оно экспериментировало неумелым вмешательством в дела людей. Сегодня мальчик не удержался – привлек бедную девушку. Единственная соринка в зарождающемся чувстве победы.

Во-вторых, он вытащил часть вещей, которые накапливались там много лет. Он не понимал принципы и смысл коллекционирования. Похороненные в шкафу, эти предметы отняли самостоятельность у запутавшихся владельцев.

В-третьих, Витек отсрочил роковые открытия, которые ждут Фею.

Мальчик похлопал по кошельку, изрядно оттягивающему карман. Он не побоялся взять его к ребятам. Как талисман? Гарантию спасения? Подкуп? Витек и сам не знал, вполне допуская, что в результате сегодняшней встречи лишится не только денег.

– О-о-о-о-о-о!!! Глинозем приперся! – заорали бухие пацаны.

Все они были года на два-три старше Витька. Одеты так же небрежно. Распахнутое, свисающее, дырявое. Поэтому и жались к засыпающим огонькам костра. Некоторые натирали о себя покрашенных девиц, ловко и требовательно хватая за чуть выступившие части. Все уже приняли свою дозу и теперь умиротворенно допивали горячительное, готовясь расхотеться по домам.

Витек закурил, почти не вслушиваясь в неторопливое повествование местного клоуна Вари об очередных жестких разборках. Варя чутко относился к любому невниманию.

– Чудовище, у тебя муirlo такое, словно на ледоходе плывешь, – подкатил он к Витьку. – Ты щитки принес?

– На завтра же договаривались... – опешил Витек.

– Зачем тянуть? Аппаратура с собой. Допьем и быстренько мультик отработаем. Девки у нас технически развитые, с титьками, снимут круче, чем у ваххабитов по телевизору. Компания послушно заржала.

– Темно же, – возразил Витек. Вообще-то он пришел ради того, чтобы отговорить ребят от затеи снимать драку, но не ожидал, что они так скоро сядут на эту тему.

– У тебя фары горят так фанатично – никакой подсветки не надо.

Снова гогот. Жека, усердно ковыряя что-то в джинсах у Леры, авторитетно заявил:

– Отчаянно дерзкий ты типец, Глинозем. Не вибрируй, к Венрю в подъезд пойдём. У него там прожекторы такие – ледовое шоу снимать можно!

И в этот момент, даже как следует не испугавшись, Витек решился:

– Гнилой план, пацаны. Не буду я сниматься.

Пацаны, потрясенные дерзостью, на минуту умолкли.

Наконец, самый спокойный – толстый увалень Грек произнес:

– Мы же тебя не в попку пороться зовем. Ты нам весь фестиваль завалишь.

Витька пригласили сниматься в любительском видео. Произошло это так:

– Концепция такова, – красиво обозначил курс Кучерена (самый продвинутый в команде), – снимаем happy slapping. Это пока модно, но уже требуется разнообразие. У нас, в отличие от обычной чернухи, в хлам метелим малолетку. Жертва – наш уважаемый и талантливый Глинозем. Ставим его корчи в Сеть. Морды активистов итрихуем. Люди залипают, чешут бестолковые репы, тревожно шевелят рогами.

– Можно его девочкой нарядить, – вмешался Крест, единственный в компании, кто сидел на винте⁵ (за это его не особо уважали).

– Потом делаем разоблачительное видео. – Кучерена не обратил внимания на предложение торчка. – Глинозем, как конь довольный, двигает, что видео – липа и подстава. Лера с сердобольным лицом берет интервью. Текст лучшие Comedy Club'a напишем. Остальное – детали.

О деталях говорили долго и много – о том, как легко сделают трафик на серваке у брата Кучерены, о перспективах попадания целого выводка родственных сайтов в топ100 Яндекса, как брат будет платить за контент.

⁵ Винт – самодельный инъекционный раствор, который в той или иной степени содержит йод-метамфетамин, но кроме этого еще целую кучу немереной дряни (содержание дряни зависит от компонентов и способа приготовления). В качестве исходных компонентов для производства винта используют лекарства, в состав которых входит эфедрин и его структурные аналоги.

Собираясь в перелеске у костра, пацаны весь морозный март обсуждали будущие ролики – метаморфозы мелированного лобка Лены Катинной, расстрел бронированной маршрутки первого сенегальского миллионера Москвы, следующие роли Витька.

– Потом можем для прикола его по-настоящему зарезать, – предложил как-то Крест, – и на лбу кровью нарисовать: «Россия – вечный лохотрон».

– Нерационально, и на лбу этого чучела не поместится, – возразил Кучерена. – Будем стараться в УК глубоко не завязнуть. Чтобы отходы были.

Пацаны, несмотря на льготный пятнадцатилетний возраст, по поводу Уголовного кодекса, конечно, дергались, но Кучерена со слов брата авторитетно объяснял, что им подходит всего-то одиннадцать статей, к тому же «мы не способны в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, мы интеллектуально-лично незрелы, и вообще у брата все ходы заточены и закамуфлированы, ни один ушлепок не вкурит».

Решили месяца через три слезать с конвейера, переходить на легальное видео – организовать любительский кружок в школе. Про трудовые будни учителей снимать, про правильных патриотов.

– У Косматой потрясный цифровик. Аппаратуры – студию можно делать. Если чернуху надрочимся лепить, потом и из репетиции школьного оркестра фееричную картинку сошьем...

Обычно встречи заканчивались тем, что ребята обсуждали способы покорения аудитории и старательно взвешивали грядущую популярность, особо в ней не сомневаясь.

Во всех этих планах Витьку отводилась второстепенная роль, но, поскольку раскрутка должна была начинаться именно с него, пацаны очень чутко отреагировали на наглое заявление.

– Чмо хитровылизанное! Лихо ты нас на вилы ставишь!.. – начал Вепрь.

Витек еле увернулся от опорожненной пивной бутылки, прицельно брошенной ему в голову.

– Мы тебе, зверь, безоблачное существование в этом районе пообещали. Сладкую жизнь с мокрыми письками! – возмутился Жека. – А ты по ходу решил жопой пузыри пустить и на измену сесть?!

Крест завелся не сразу, но агрессивно:

– Я этому илопонцу писклявому голову топором отрублю! – И бросился на Витька.

– Подожди, Крест, – остановил нарка Кучерена. – Надо разобраться. Глинозем, ты мозга не лепи, Нижневартовск-на-Оби... Ты чего залупился-то? Пошто аки скот художников обижаешь?

И здесь Витьку предстояло сказать самое страшное:

– Я тогда специально вызвался. Чтобы помешать вам.

– Ты же не хочешь, чтобы мы какого-нибудь молодого ганджубаса на улице поймали и до смерти уделали? – увещевал Кучерена.

– Не хочу.

– На кой болт тогда здесь разглагольствуешь?

Витек жалел, что не умеет говорить правильно и красиво. Блестящими от отчаяния глазами он оглядел столпившихся перед огнем. Пламя сдалось темноте. Шесть парней, две девки, костер, оставивший после себя тревожно мигающие глаза углей на холодной земле, грязная снежная каша, равнодушный свет окон сквозь кости озябших деревьев... Паршивый антураж для откровений.

– Мы порочны, глухи, лицемерны и несчастны. Безнадежно неисправимы. Напичканы иллюзиями собственной жизни, собственных мыслей, свободы, вечности. Всё не так, как вы думаете. Все не так, как думаю я. Надо стараться понять. А вы хотите запутать и себя, и других. Будто гадость, которую вы сделаете, что-то значит.

Сначала произносить заученный текст было стыдно. Витек понимал – его изобьют, прогонят, но он так часто проговаривал эти слова, мысленно вступив в круг тех, общения с которыми искал долгие месяцы, что уже не мог удержаться. Он не успевал отбарабанивать все отрепетированные фразы, стараясь быстрее дойти до конца и не упустить самого главного.

– Вы хотите совершить много ненужных и некрасивых дел только ради того, чтобы плюнуть ими в человечество. Вы не думаете о том, что не все слова утратили свою изначальную силу, не все дела – созидательную и разрушительную мощь. Это простаки воображают, будто все уже придумано и воплощено. И нельзя, например, чтобы у солнца выросла черная бахрома по краям. Можно. А уж для того, чтобы воспламенить словом и делом такие чувства, как ненависть и похоть, никаких нанотехнологий не требуется...

Удивительно было, что ему дали сказать так много. Сигнал дал Кучерена:

– Все это мы понимаем, но лучше бы ты рассказал, как роботы ибуцца.

– У хлопчика опять батарейки сели, – мрачно констатировал Грек. – Мы помочь просили, а он устроил цирк дю Солей.⁶

– Мы тебя, щегол, здесь и похороним! – взвизнул Крест.

Витек грустно кивнул – самый счастливый день превращался в самую страшную ночь.

– Вертел я вас на одном месте! – Витек сделал попытку заговорить с ними на одном языке. – У меня на любые ваши разводки свой разводной ключ име...

Первым на него бросился Варя. Косматая тут же включила видеокамеру.

Как никогда раньше Витек нуждался в прозрении – почему его бьют? что он сделал неправильно? как это изменить? У него и раньше получался этот трюк – словно птицей, нырнувшей в утренний туман, пронестись сквозь чужие мысли-переживания, отпечатать в себе, постараться понять.

Он многое умел – почувствовать, увидеть, предсказать, заглянуть в самые отдаленные уголки света, уловить происходящее повсюду... кроме маленькой комнатки на улице Пржевальского. Он многое умел, но только не защищать себя.

Кошелек выпал из кармана.

Кучерена поднял, открыл, деловито пересчитал купюры, упрятал за пазуху. Ребятам пояснил:

– За несколько штук любой бомж готов устроить кровавую мистерию со своим участием. И умерщвлением приглашенных гостей. Откуда деньги, пучеглазый?

Вот об этом Витек не рассказал бы ни под какими пытками. К тому же то, что открылось ему в огромном мире чужих мыслей и чувств, оказалось страшнее любых пыток.

С детства наделенный колоссальной силой, он уже давно боялся использовать ее. По своей собственной классификации Витек с рождения был *demiurgus simplex*.⁷ Он мог жонглировать слонами, поворачивать вспять реки, видеть будущее – это не отменяло ужаса понимания других людей. Лучшие бы разминуться с откровением, лучшие бы продолжали бить, лениво пыхтя, подначивая друг друга шутками, – все остальное, что ожидало Витька, намного хуже. Лучшие бы похоронили прямо здесь, потому что впереди только неразделенная любовь и предательство.

⁶ Цирк Солнца (Cirque du Soleil) – яркий представитель современного жанра циркового искусства. Компания основана в 1984 году и базируется в Монреале, Канада. Цирк Солнца насчитывает более 4000 человек, работающих в разных группах, что позволяет компании давать представления в нескольких точках мира одновременно. Выступает со зрелищными спектаклями, постановка которых осуществлена на арене под временным шатром (шапито), на постоянной цирковой арене, а также на театральной сцене. Годовая выручка цирка превышает 600 млн долларов.

⁷ *Demiurgus simplex* (лат.) – словосочетание, которое может иметь несколько значений в зависимости от смысловой нагрузки слова *simplex*: рядовой, простой, обыкновенный, естественный, неизменный и даже безобидный творец мира.

Он хотел увернуться от равнодушия пацанов, наваливающегося сильнее ударов ног. Мысль рванулась к комнатке, где обитала девушка, от которой он ненадолго отвел беду. Протиснулся к печалям и страхам, терзающим ее. Иногда с жизнерадостным удивлением осознаешь – как же легко помогать людям. Витек строил план спасения Феи – хороший способ отвлечься от того, как ломают ребра, отбивают почки и расквашивают нос.

Скоро он услышал радостные взвизгивания девчонок: «Ну хватит уже!.. Ну пошли. Ему же больно...» И вновь оправдывал, оправдывал слова и удары ребят. Ему так проще – не они такие, время такое.

Тьма наступает.

Глава 2

Ты мертв, братан!

Cindy Lauper: «Girls Just Wanna Have Fun»

Эскалатор скрипел, подрагивал.

«Со мной должно произойти несчастье! Может, уже произошло?» – Фея запугивала себя надуманными предчувствиями.

Ленка стояла рядом и в десятый раз перечитывала письмо Викентия с описанием задания.

Спустя сутки после собеседования в Очаково Фея решила – только идиотка может отказаться от предложенной этим психом работы. Полистала Уголовный кодекс, в очередной раз прикинула, что могла бы купить на десять кило «зеленых», и стала ждать весточки от Викентия.

Конечно, она все рассказала Ленке (кроме весьма тревожной детали о том, какую фотографию подсунул ей плешивый). Пришлось сотню раз божиться и клясться здоровьем Димы Билана, что случившееся – правда.

Сгорая от нетерпения, два дня они молились на почтовый ящик.

Получив письмо (бумага в клетку, засыпанная хрупкими каллиграфическими буквами), начали тщательно планировать «выезд к клиенту» – в основном ржали до упаду.

Наверное, и сейчас бы валялись в каморке Феи, заливаясь хохотом по поводу планируемого мероприятия («Ты мертв, корефан! Всасывай по буквам: м-е-р-т-в!»), если бы вместе с письмом Фея не обнаружила восемь тысяч долларов («Куча бабла, старушка, ты догоняешь? Э-э-э, подъемные для отправки в ад!»).

Жизнь обращалась сказкой – хошь брюлик, хошь в Париж, хошь спасай кедров на Алтае.

Пляжи в Акапулько, недвижимостр на Тенерифе...

Одновременно они решили – если не выполнять свою часть обязательства, сказка может закончиться. Возможно, даже некрасиво. Монстр из пыльной комнаты готов основательно испортить им жизнь – в этом они не сомневались. Поэтому необходимо оторвать от дивана свои пассивные попы и ехать к клиенту.

– Ну и как мы докажем парню, что он давно умер?

Фея не в первый раз задавала этот вопрос. Ленка и сейчас не ответила.

– Все-таки он милашка. – Ленка ткнула в центр выцветшей фотографии, которая прилагалась к письменным инструкциям. – Неужели «просто Викентий» не намекнул, как зомбировать наивных пацанов?

– Нет. Я тебе тысячу раз говорила, – они сошли с эскалатора и двинулись на «Белорусскую-радиальную», – все указания в письме.

– Ни полграмма я не поняла из этой сектантской мути.

– Ты уже тысячу раз прочитала. – Фея выхватила письмо из рук Ленки и забубнила: – Все просто. Титов Павел Михайлович, тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения. Умер седьмого сентября две тысячи восьмого года. Блин, давненько. Кровоизлияние в мозг, доставлен в морг № 3. Вскрытие проводила врач Павлова. Похоронен на Востряковском кладбище. Продолжает существовать потому, что успешно развивает российскую музыкальную индустрию...

– Ничего себе простенький текст, – перебила Ленка. – Клиент целую вечность как скопытился. Но продолжает дрючить российских фабрикантов. Yeah! И теперь мы должны убедить его, что много лет назад он зажмурился. В морге номер три ему вскрыли черепушку. Ясен пень – человек засомневается в собственной кончине. Носик пощупает, попку ущипнет, пальчиком нам у виска покрутит... Хорошо, если без ментов обойдется. Плакали наши десять штук...

– Наши?

– Ой, не пыли!.. Я совершенно бесплатно скажу Пашеньке, что он труп ходячий. За бутылку «Бейлиса».

– Не намекай, что я жмот. Просто деньги эти пока словно головокружение или озноб. Ненастоящие. – Фея добавила: – Мне очень важно, что ты со мной в этом деле. Ты одна кажешься реальной.

Они решили предстать перед Титовым в обезоруживающей спортивной красе. Ленка доказала – ролики вызывают доверие:

– Лучше бы лыжи беговые, в потертой изолянте, но не сезон. Или самокат какой-нибудь – с такими атрибутами проще войти в контакт.

Фея надела свои единственные нарядные джинсы и дырявый топик. Ленка натянула на жирное тело спортивный костюм «Venetton» небесно-голубого цвета.

Наталья Медведева: «Пойдем на войну»

– И после этого у тебя, соколика, карачун и случился. Сечешь?

– Красиво излагаешь, мать, только вот дохлым я себя ну совершенно не чувствую, прости. Может, ошибочка вышла в небесной канцелярии? Может, вы, девоньки, зря сюда, как мухи на го... пардон – как пчелы на мед притащились?

Лена и Фея старательно инсценировали будущий диалог с клиентом. Они катили вдоль Ленинградки, поглощая в немереных количествах выхлопы бесшабашного московского автопарка. Тепло. Пятница. Вечер. Неожиданное наступление недолговечного апрельского тепла. Все мечтали покинуть город.

Ленка уже несколько раз пыталась подсчитывать будущие барыши:

– Слушай, если мы в месяц по паре клиентов будем делать... В год получится около трехсот кило баксов. У тебя столько ноликов в голове может оформиться?

– Легко. Банальная «двушка» в Москве. Треть от годового оклада Чубайса. Без бонусов.

– Давай оклады Чубайса, Потанина и врага народа Березовского посчитаем, когда первый лимон освоим.

– Обязательно подсчитаем. И доложим, куда следует.

– Сейчас надо прикинуть, как клиентов об колено ломать. Твои идеи?

– Карандашики взять, блокнотики, кофейку налить, заняться блокадой серого вещества. Мать, нас ждут суровые бизнес-будни! Юбки чуть выше колен, белоснежные сорочки. Не думать о размере бедер, пока не решим, как любимого гниду-клиента заставить еще чаще на спину опрокидываться.

Они заржали. Ленка чуть не врезалась в столб с рекламой «Газпрома» – лучшего друга и соратника всех начинающих гимнасток, хоккеистов, примадонн и дзюдоистов.

– Правильно мыслишь. Мозговой штурм. Стратегия! Как сказать, что сделать, чтобы клиент проникся. Это тебе не «Баунти» малолеткам за полцены втюхивать. Надо, чтобы любой взрослый даунишка поверил в нашу легенду о его безвременной кончине. Чтобы при необходимости мог нам расписочку выдать. Типа – да, девоньки, я, Пипеткин Фома Януариевич, находясь в здравом уме и светлой памяти, полностью согласен с тем, что являюсь давно усопшей субстанцией, пусть земля мне будет пухом. Аминь.

Ленка предложила:

– Легенда у нас такая. Мы девочки, конечно, чиканутые, но честные и не простые. Не какие-нибудь труженицы-давалки с Можайки. Поначалу он припухнет – с какого перепугу к нему дуры на колесах заявили? Ну, мы ему по-честному расшифруем – дорогой дяденька, узнали о вас случайно, теперь хотим дружить, говорить о смысле жизни и смерти. В общем, приглашайте на чай, мы вам штрудель испекли...

Фея согласно дернула рюкзачком, в котором действительно рядом с босоножками остывал штрудель.

Они снова приснули. Смех все время мешал им распланировать будущую встречу. Воображаемые сцены разговора с клиентом казались абсурдными, надуманными, не готовыми свершиться. Хотелось увеличивать и увеличивать этот абсурд до предела, после которого уже не будет страшно ломиться в чью-то жизнь и говорить, что она давно закончилась.

– Ты жмур, чувак. Точно говорю тебе – жмур! – вновь настаивала Ленка.

– *Kakie vashi dokazatel'stva?!* – откликнулась Фея гнусавым голосом русского бандита из «Красной жары».

Radiohead: «A Wolf At The Door»

Еще до того как они увидели указатель поворота на улицу Черняховского, Ленку вновь прорвало на тему денег.

«Завидует папина дочь. Мое приключение манит больше, чем два десятка любовников...»

Подруга зашла издалека:

– Ну, чего, ощущаешь свою ответственность? Попа вспотела?

– Ответственность перед кем?

– Перед судьбой, о счастливая моя! Шанс тебе выпал, и сливать его нельзя. Ты уже прошла в финал закрытого конкурса.

– Какого конкурса? – искренне удивилась Фея.

– Без правил и пощады. В конце у одних за щекой только копеечный леденец или – того хуже – чей-то член копеечный. У других – виллы в Абзаково, а Игорек Николаев с Крутым пишут музыку для мобильных. Неужели у тебя нет чувства типа: «Ё-ё-ё-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о!!! Я почти в „Хопре“ и вижу золотые горы на горизонте!»?

– Слушай, все еще вилами по кефиру...

– Ладно прибуднаться! Ты уже зарядила парня на евангелистские подвиги. Он теперь каждый день от капусты будет избавляться. Коленопреклоненный, с благодарностью.

Фея (победительница лотереи «Выиграй десяток кило зеленых почти на халяву») не сомневалась, что Ленка чувствует себя в доле будущего золотого ливня, но решила не обсуждать ее притязания до окончания сегодняшнего мероприятия, которого уже стала малодушно побаиваться.

Показавшийся из-за угла дома памятник товарищу Тельману мог бы с большевистской прямоотой констатировать, что время, отпущенное для подготовки встречи, девушки бездарно профукали. Теперь они были обречены появиться перед клиентом с пустыми руками (не считая штруделя) и тем, что экспромтом сгенерирует их молодой, но пока не подготовленный к подобным заданиям мозг.

Notre Dame de Paris: «Люди без бумаг»

«Втереться к нему в доверие. Влезть!» – навязло в голове пожелание «просто Викентия».

Через арку проехали во двор. Клиент обитал на последнем этаже девятиэтажки, построенной для кинематографистов Советского Союза и тех, кто смог под них закосить.

У подъезда с навороченным домофоном и цифровым замком пришлось долго дожидаться, пока какая-нибудь сволочь не пойдет выгуливать собаку. Когда дверь распахнулась, Ленка пожелала удачи:

– Буря и натиск. Шторм и облом! – и первая ломанулась вперед. Эхо их тяжелой роликовой походки рванулось ввысь.

В подъезде кемарила консьержка размером чуть меньше будки, в которую ее посадили добрые жители.

– Вы куда, девушки? – проснулась она, как только они прогрохотали к лифту.

Беззлобно так, со здоровым мещанским любопытством, но и цепкостью, обещающей получасовую разборку.

– Мы к Паше Титову. В гости.

– Тогда я его предупрежу! – Бабуля схватилась за телефон.

Ленка умела менять выражение лица – акула превращалась в безобидную толстую девочку из кулинарного техникума. Изыячно развернувшись, скользнула к консьержичьей конуре:

– Любовь у нее, – горячо зашептала она в окошко, – у подруги моей. Со школы. Они вместе в Гнесинке учились. Он на баяне, она на флейте. Он уже выпускался, а она только на первый курс поступала. Сердце до сих пор разбито, – вывалила она бабке шмат вранья («Чем проще, тем эффективнее»). – Не предупреждайте его. Сюрприз же! Мы его покатаемся пригласить зашли. Он любит. Мы в соседнем доме живем и на «Одноклассниках» дружим. Он очень будет рад. Мне кажется, он сам – того, не ровно дышит...

Глаза ее сияли искренностью, чистотой и наивностью – мир домушниц и наркоманок бился в конвульсиях в сотнях парсеков от этого светлого существа.

Бабка, не вступая в бой, выкинула белый флаг.

В лифте им стало по-настоящему страшно. Когда Ленка давила кнопку звонка, у обеих дрожали ноги. Они не бросились бежать только потому, что на них были ролики.

Появившееся в проеме двери лицо выглядело молодым и вполне здоровым. Кроме того, оно недавно загорело на солнце и сейчас улыбалось. Морщинки пролегли поперек шелушащегося лба – глубокие на старой сморщенной коже, почти невидимые на новой, розовой.

– Вам кого, красавицы?

– Вас, если вы Павел! – Ленка сразу врубилась, что этого близорукого ботаника можно атаковать с ходу.

– Меня?

– Вас! Вас... – наклонилась она к уху Феи и что-то зашептала.

Девушки засмеялись, смяв тишину на лестничной клетке. Выражение лица Титова изменилось от настороженного к смущенному:

– Вы пройдете?

– Да, думаю, мы надолго.

Ленка шагнула в длинный коридор. Фея – за ней. Говорить ахиною о смерти милому молодому человеку ей совершенно расхотелось.

– Павел, вы один живете?

Титов кивнул.

– В таких хоромах?

Квартира действительно была большая, но беспорядочные островки старой мебели, архипелаги этажерок с пыльными книгами портили вид. Заглянув в комнату справа и слева, Фея и Ленка закатились в уютную нишу – явное архитектурное излишество длинного коридора. Стены ниши закрывали картины всевозможных форм и содержаний, от кубического минимализма до щедрых средиземноморских пейзажей. Но главным украшением маленькой комнатки однозначно служил огромный камин – чуткое отношение власти к работникам кино заставило прагматичных строителей брежневских времен вылепить эту буржуйскую роскошь.

Титов усадил непрощенных гостей на лавку перед давно остывшим пеплом. Девушки принялись стягивать ролики. Ленка не переставала сыпать вопросами:

– Неужели не кочегарите эту штуку, – ткнула она в камин, – темными зимними вечерами? Кстати, меня Лена зовут.

– Очень приятно. Как-то не приходилось...

– Зря. А это моя наперсница – Фея. Необычное имя, согласитесь. Папа шутил – мама смеялась. Оба любили чудеса и сказки. Дочка на радость генетикам появилась чересчур здравомыслящей. Любите и жалуйте. Только без криминала.

– Фея. Папа предложил – мама согласилась – я расхлебываю, – еще раз представилась Фея. – Мы вам штрудель принесли. – Она протянула хозяину красивую синенькую коробку с пирогом.

– Очень приятно. Ну, в смысле – и познакомиться, и за пирог. А меня Паша... Впрочем, вы же знаете. Я сейчас чай принесу.

Aerosmith: «Crazy»

Из кухни Паша вернулся очень довольным – он нашел тему для разговора:

– Между прочим, это квартира режиссера Туманова. Помните – «Алешкина любовь», «Ко мне, Мухтар!»?

Первой, как всегда, откликнулась Ленка:

– На Алешкину любовь я не особо надеюсь, а вот про Мухтара что-то слышала... Собачка? Советский Куджо?

Паша удивленно хлопал глазами.

– Не напрягайтесь, не видели мы этого кина. То, что товарищ Туманов – великий режиссер современности, мы проверим. Пока – достаточно одного вашего честного слова.

– Я не говорю, что он великий. Просто хороший режиссер. За стенкой кто бы вы думали жил?

Глаза Титова засияли, будто он сейчас скажет таинственное слово, которое сделает счастливым всех окружающих. Девушки выжидающе уставились ему в переносицу.

– Агранович! – торжественно произнес Паша.

Фея и Ленка недоуменно переглянулись.

Ленка, как яркий представитель молодого поколения, не стала лукавить и принялась бить наповал:

– Как бы вам деликатней-то изложить, уважаемый Павел Михайлович, проблемку нашу... Учтите, ни обидеть, ни подколоть вас – ни сейчас, ни в дальнейшем – у нас нет желания. Так вот: ни режиссера Туманова, ни почтеннейшего герра Аграновича мы действительно не знаем. Простите темных.

– Как же... – растерянно проговорил Паша. – Агранович. Евгений Данилович. Он про березовый сок написал: «Я в весеннем лесу пил березовый...»

– Чахлые русские деревья стараемся не калечить. Тем более сорняки-березы, занесенные к нам из капиталистической Прибалтики. Фея, – Ленка кивнула скупой на слова подруге, – пожизненный сторонник WWF.⁸ Я – глубоко сочувствующая.

– Агранович песню к фильму «Офицеры» написал: «От героев былых времен...» У него Высоцкий тысячу раз гостил, – словно последний козырь, выкладывал Паша.

– Песенку эту мы слышали, – за двоих доложила Ленка, – к Высоцкому равнодушны, но, вообще, вашими безграничными познаниями вы ставите нас в тупик. Ваш IQ раздражает наши эrogenные зоны. И мы еще больше глупеем.

Они сидели в нише перед давно остывшим камином, пили чай. Ленка кокетничала и хохмила. Фея молчала. Ей вдруг физически неприятна стала затаившаяся в углах тишина, напоминавшая пыльное безмолвие жилища «просто Викентия», жалкое фиглярство Ленки...

⁸ Всемирный фонд дикой природы (англ. World Wildlife Fund) – одна из крупнейших в мире общественных благотворительных организаций, более 40 лет работающая для охраны природы на всей планете. Сторонники WWF – это люди, которые регулярно – ежемесячно или ежегодно – оказывают финансовую поддержку работе WWF. Сегодня их уже более 5 миллионов во всем мире и почти 15 тысяч – в России.

Шутка. Приключение. Прикол. Как бы не так! Если раньше встреча с клиентом казалась смешной и волнительной, то теперь она поняла – финальный диалог о смерти, время которого неумолимо приближалось, будет оскорбительным и... лишним. Словно на глазах у этого восторженного ботаника она начнет царапать гвоздем почтенную старую мебель, выльет горячую воду из чайника на древний паркет или скажет, что и Туманов, и Агранович, возможно, никогда и не жили здесь. Вообще – не жили.

Это обязательно расстроит Титова.

Наконец, она решилась:

– Простите, но я должна вас перебить. Павел, у меня есть важное сообщение.

Ленка смотрела на нее, словно крутила пальцем у виска.

– Я вас слушаю, Фея, – сказал Паша и зачем-то важно кивнул головой.

– Паша...

Нет, так она не могла. Фея порылась в рюкзаке и достала письмо «просто Викентия». (Впервые подумалось: «Кстати, почему он „просто Викентий“? Может, фамилия ему не нужна?» – И откуда-то из глубоких слоев сознания прошелестел ответ: «Постепенно ты до всего додумаешься сама, девочка».)

– Так вот, послушайте, Павел...

Она читала заключение медэксперта, решение по уголовному делу в связи с автокатастрофой, в которой погиб Титов, состав присутствующих на похоронах, название ресторана, где отмечали поминки, фамилии тех, кто за последний год пришел на могилу Паша.

Следом наступило молчание. Тишина каждой следующей секунды становилась еще злобней и мощней, наполняясь тяжестью предыдущих состояний.

Она почти заглушила голос «погребенного», когда он произнес:

– Я догадывался... что умер.

Но девушки смогли услышать. Они застыли в новой беззвучной паузе, как комары в янтаре.

Фее захотелось заорать, завизжать.

Ленка вновь доказала, что ее не зря взяли на дело. Она закашлялась, выдыхая из легких застрявшее безмолвие, и глубокомысленно изрекла:

– Я думала, по легенде это мы – звезданутые. Ошиблась я, граждане и гражданки. Каюсь – ошиблась.

Patrisia Caas: «Avec Le Temp»

– Давай на «ты», – предложила Фея. Впервые она созналась себе, что входит во вкус сложной загробной специализации, которую предложил ей «просто Викентий». – Так ты веришь, что зажмурился?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Паша.

Ленка изложила:

– Как талантливые сотрудники компании «Викентий Энтерпрайзерс», мы, конечно, уверены, что вам вскрыли пузо в третьем морге. Но как дети Перестройки и глобальных информационных катаклизмов, мы уже ничему, никому и никогда не поверим. – И шепотом добавила: – Даже тому, что показывают по телику. В целом развитие событий нас вполне устраивает. Мы побывали в классной квартире, у классного камина, классно поболтали, Феиной стряпни поели. Вы, Павел, классный парень. То, что вы не упорствуете в вопросе собственного упокоения, очень мило с вашей стороны. Очень мужественно, очень любезно. – Ленка ненаигранно волновалась; ей было неловко, что Павел оказался так сговорчив. – Вы только не переживайте. Морг, поминки, слезы родственников... С кем не бывает? Наверное, сейчас мы вас покинем. Вы не берите в голову. Словно нас не было. Коньячку выпейте, ножки попарьте...

– Павел, почему ты решил, что ты зомби? – перебила Фея.

– Я не зомби. Я не очень удачный пример неэффективности механизма смерти. Мне кажется, вас послали напомнить об этом сбое, о моей строптивости и нежелании следовать естественным природным закономерностям... Так?

– Не так! – ответила Фея. Ее потянуло на искренность, которой можно подцепить разгадку того, зачем Викентий продемонстрировал ей фотографию с ее молодым симпатичным личиком. Зачем это личико какой-то додик обвел траурным кругом? – Мы здесь деньги заколачиваем, ничего личного. Десять кило гринов за полчаса сделали.

Удивление на лице Титова не потянуло бы даже на полцента.

– Это не шутка. Как шутку мы воспринимали пресс-релиз о твоей кончине. – Фея помахала перед глазами Павла письмом Викентия.

Ленка глупо улыбалась и почесывала толстый живот, выглядывающий из-под короткой голубой майки. Титов упорно смотрел в пол:

– Мне кажется, и вас втягивают в невзрачную трясиину, в которую уже обратилась моя жизнь.

Подтверждая его подозрения, в дверь настойчиво-протяжно позвонили.

Паша быстро зашептал:

– Думаю, подоспели ваши крутилы. Из «Викентий Энтерпрайзес». Давно их жду. Если вы пока не заодно с этими ублюдками, давайте я вас спрячу.

Оказалось, что ниша закрывается на манер пивного уличного ларька – широкие жалюзи от потолка до пола. Полутьму полосовал жиденький свет из коридора. Звук шагов Титова уплывал к входной двери.

– Ты боишься? – спросила Ленка.

– Нет. – Фея совсем не боялась; по душе хлестнула необъяснимая жалость – к себе, к Ленке, к Паше.

– Втыкаешь, что за ахтунг творится?

– Нет.

Девушки приникли к узеньким просветам.

Егор Летов: «Белое Безмолвие»

В коридор вошли двое плотных мужчин. Средний рост, серые костюмы, полосатые галстуки, обрюзглые лоснящиеся лица... Ни дать ни взять – чиновники, застрявшие на полпути к Олимпу.

– Павел Михайлович, Павел Михайлович, – укоризненно заворковал первый сразу после приветствий. – Мы снова к вам. Ждали?

Они протопали на кухню в полуметре от девушек. Мужики расселись за столом, Титов загремел посудой. Первый продолжал причитать:

– Мы же не будем скатываться до каких-то дурацких талонов на жизнь. Здесь не распределитель. Должна проявиться ваша добрая воля. Не цепляйтесь вы за свои магазины. Сдалась вам эта музыка...

Мужик долго и нудно уламывал Титова отойти от дел, употребляя сложносочиненные предложения, ни одно из которых не нравилось Фее.

– Павел Михайлович, вы один из немногих, кто понимает, что здесь происходит...

– Вы не можете действовать так безответственно...

– Неужели не наигрались?..

– Вы же догадываетесь, мы примем меры...

Паша вяло парировал:

– Мне плевать... Не хочу ни о ком и ни о чем думать... Не наигрался... Принимайте...

Наконец, заговорил второй мужик. У него был глухой утробный бас:

– Мы прямо сейчас разрушим эту вашу иллюзию. Вместо того чтобы сгореть на работе счастливым-окрыленным, сдохнете в одном из пыльных углов этой квартиры, проклиная собственное ничтожество.

Сразу после этой фразы на кухне что-то загремело, повалилось, разбилось. Из беспорядочных криков можно было разобрать только тихие завывания Титова: «Козлы-козлы-козлы-ы-ы...» да тоненькие покрякивания первого мужика: «Держи... зачем ты его так... ну, бесполезно же мутузить, сколько раз пробовали... как надоело это упрямство... не для себя же стараемся... сами через день-два в беспамятство впадем... блин, и таких идиотов с каждым днем все больше и больше...»

Судя по методичным ударам, Пашу очень долго избивали – сначала ногами, потом в ход пошли подручные предметы. Второй мужик приговаривал: «Ну не верю я, что нельзя действовать силой... не соображает руководство ни разу... страх – он и в благополучной Норвегии заставляет яйца звенеть...»

Первый мужик сначала пытался его остановить, потом сам стал предлагать: «Резани его ножичком... да, да, плевать... двинь-двинь, ни хуже, ни лучше уже не будет... падла...»

– Давай позвоним в милицию, – шептала Ленка. Фея крутила головой – услышат. Кухня находилась в трех метрах от ниши с камином.

«Тетеньке-консьержке должно очень не понравиться, что вытворяют эти занудливые дяденьки», – подумала Фея, пытаясь разобраться в происходящем.

Мужики долго шептались между собой, зачем-то участливо спрашивали свою жертву, как им быть, на два голоса повторяя: «Ты не оставляешь нам шансов...»

Паша молчал. Напоследок второй костолом стал что-то горячо втолковывать Титову. Тот застонал: «Су-уки-и... ну как вы могли... зачем мне все это знать... я после всех ваших баек и дня не протяну... не могли потерпеть...»

Второй снова что-то зашептал.

Вдруг Паша заорал:

– Молчи-и-и! Не хочу!.. Еще хотя бы день...

– Хрен тебе по всей морде! – загремел бас.

Раздались приглушенные выстрелы, тяжелый топот ботинок устремился к выходу из квартиры. Кто-то из зондеркоманды обрушил стеллаж в гостиной.

– Наш выход, курочка моя, – прошептала Ленка и стала ногами вышибать жалюзи, которые намертво крепились по периметру входа в нишу. – Кокнули нашего клиента.

– Зачем гламурную фенечку ломаете? – раздался голос снаружи.

Силуэт Паши закрыл тоненькие полоски света. Жалюзи резко рванулись вверх.

Yngwie Malmsteen: «Overture 1622»

– Ур-роды... Собаки злые... Фаш-шисты... – жаловался Павел, прикладывая мокрые тряпки к многочисленным синяками. Выглядел он кошмарно – разбитые губы, свернутый нос, колтуны запекающейся крови на голове; лицо – сплошной синяк. Однако Титов довольно бодро передвигался по квартире, убирая немногочисленные разрушения.

Недружелюбные гости перевернули огромный стеллаж с пластинками и сидюками – теперь Паша подбирал все это, извергая поток самых страшных, самых нецензурных ругательств, изредка переходя на всхлипывания:

– Вся моя жизнь!.. Вся моя жизнь!.. Даже то, что осталось, хотят испоганить... – Он подбирал черные кусочки пластинок.

Он не обращал внимания, что кровь струится по телу, капает на пол, оставляя причудливые следы метаний по квартире. Весенняя капель. Девушки пытались остановить его. Фея увидела – кровавое пятно расплывается чуть ниже шеи и на животе в прорехе разрезанной ножом рубахи.

Титов сдался лишь тогда, когда Ленка намекнула:

– Не дернуть ли по маленькой... кругленькой таблеточке? Или, может, чем покрепче успокоимся?

В нишу с камином принесли небогатые запасы для застолья – мутную «Бехеровку», слипшийся инжир и четыре просроченные банки с оливками. Девушки опасливо косились на лужицу крови, натекающую под их беспокойным хозяином. Ленка участливо зачастила:

– Я не набиваюсь ни в нянечки, ни в медсестры. Я вообще безжалостная и беспощадная сука, но обстоятельства, друг мой, обстоятельства... Ты вообще понимаешь, что из тебя юшки вылилось на хороший бассейн? Меня уже здорово беспокоит эта донорская вакханалия...

– Раны слишком глубокие, – словно извиняясь, пробормотал Титов. – Ничего, скоро затянутся. Помоюсь и баиньки...

– Слушай, герой, – перебила его Ленка, – мы в сорок третьем таких как ты в четыре слоя бинтами обматывали. Без этого спать не укладывали и солдатских ста грамм не выдавали. Тебе хоть немного больно? Слабость? Головокружение?

– Чуть-чуть. Шли бы вы отсюда, девоньки. Я сам как-нибудь.

Фея заговорила требовательно и громко. Но голос сразу увяз в гулком пространстве квартиры:

– Ты должен объяснить, что за жуткая тарантиновщина происходит здесь. В тебя стреляли, взрезали живот, измолотили физиономию, а ты бегаешь и собираешь пластиночки.

– А что я, по-вашему, должен делать? Пучить глазки и стонать?

– Подыхать ты должен. Просить прекратить мучения контрольным выстрелом в генита... ха-ха!.. лии... – Ленка нервно заржала.

– Как же мне подыхать, ясноглазые? Если сдох я несколько лет назад точно в соответствии с вашей справкой?

– Дурдом на колесиках, – совсем тихо пробормотала Ленка и махнула стопарик «Бехеровки». – И как тебе удастся сохранять такую форму? – кивнула она на его окровавленную фигуру.

– Музыка, – не колеблясь, ответил Паша.

The Cranberries: «Zombie»

– Не хочу вас пугать, но то, в чем вы сейчас присутствуете, – не жизнь. *Не жизнь*, – смакуя, повторил Титов.

– В смысле? – Фея удивилась, откуда у нее берутся силы задавать все эти дурацкие вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.